

## ГЛАВА I

# РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-МАТЕРИАЛЬНЫХ ОСНОВ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ

### § 1. Регламентация строительства и содержания храмов

Исследование проблем, связанных со строительством храма, использованием церковного здания для разнообразных целей и распоряжением церковным имуществом, начато трудами М.М. Богословского<sup>1</sup>, А.А. Папкова<sup>2</sup>, П.В. Знаменского<sup>3</sup>, С.В. Юшкова<sup>4</sup>. Обращение к названному кругу вопросов обусловлено их актуальностью, близостью к насущным потребностям церковной жизни, очевидной связью с дискуссией о путях возрождения прихода. Основное внимание исследователей привлекли проблемы обеспечения церкви необходимыми для богослужения предметами: утварью, книгами, иконами, а также распоряжение этим имуществом. При этом С.В. Юшковым и М.М. Богословским выявлены традиции, сложившиеся в управлении церковным хозяйством в XVII в., а П.В. Знаменский и А.А. Папков уделили внимание тем преимуществам, которые связаны с предоставлением приходу широкой автономии в экономических вопросах. Все названные исследователи не могли обойти вниманием круг обязанностей церковного старосты.

После 1917 г. интерес к проблемам культового зодчества не угас. Но акценты существенно сместились. Во-первых, основное внимание уделялось архитектурным вопросам. Благодаря трудам

---

<sup>1</sup> *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 2. С. 21–25.

<sup>2</sup> *Папков А.А.* Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в северной России. М., 1898. С. 27.

<sup>3</sup> *Знаменский П.В.* Приходское духовенство на Руси. М., 1867. С. 11–27.

<sup>4</sup> *Юшков С.В.* Очерки по истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. СПб., 1913. С. 10–18.

В.П. Орфинского<sup>5</sup>, А.В. Ополовникова<sup>6</sup>, М.И. Мильчика<sup>7</sup> исследование вопросов, впервые поднятых в ходе дискуссии о возрождении прихода, не только не прекратилось, но и, наоборот, обнаружились новые аспекты. Строительство церквей и часовен рассматривалось в контексте народной культуры Русского Севера. Во-вторых, обращение к истории прихода обуславливалось активным исследованием землевладения приходских церквей. Не ограничиваясь собственно аграрными вопросами, М.А. Островская<sup>8</sup>, А.Я. Ефименко<sup>9</sup>, А.И. Копанев<sup>10</sup>, З.А. Огризко<sup>11</sup> высказывали ценные суждения о строительстве церквей, формах использования церковных зданий, обеспечении церквей разнообразным имуществом. Таким образом, тенденция, заложенная трудами историков конца XIX—начала XX в., продолжилась. Но все же круг научных интересов исследователей прихода оказался за редкими исключениями ограничен как тематическими, так и узкими хронологическими (XVII—XVIII вв.) рамками. Расширение диапазона проблем, произошедшее в настоящее время, связано с исследованием литургического и общественного предназначения храма<sup>12</sup>. К числу малоизученных проблем по-прежнему относятся мероприятия крестьянского мира в XVIII в., связанные со строительством и обеспечением приходских церквей. Надеюсь, что данная работа, основанная на новых, впервые введенных в научный оборот источниках, восполнит этот пробел.

**Строительство церквей.** Известно, что комплекс проблем, связанных со строительством церквей и часовен, оставался в XVIII—начале XX в. предметом забот духовных и светских властей. Усилия законодателей нацеливались на постепенное ограничение прав приходской общины в

---

<sup>5</sup> *Орфинский В.П.* Народное деревянное культовое зодчество Российского Севера: истоки развития // Народное зодчество. Петрозаводск, 1992. С. 32–63.

<sup>6</sup> *Ополовников А.В.* Русский Север. М., 1977.

<sup>7</sup> *Мильчик М.И.* Ремонты деревянных церквей в XVII в. по порядным записям // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 120–135.

<sup>8</sup> *Островская М.А.* Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII вв. СПб., 1913. С. 315–317.

<sup>9</sup> *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. М., 1884. Вып. 1. С. 198–204.

<sup>10</sup> *Копанев А.И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1977. С. 24–31.

<sup>11</sup> *Огризко З.А.* Землевладение северно-русских волостных церквей в XVII в. // История СССР. 1961. № 3. С. 71–80.

<sup>12</sup> См., например: Восточно-христианский храм. Литургия и искусство. СПб., 1994.

сугубо церковных делах. Другой немаловажной целью правительства стала разработка мер, призванных остановить снижение авторитета духовенства. Причину падения престижа церковной иерархии законодатели видели не в новой, далекой от богослужения роли священников, навязанной им петровским законодательством, а в хронической нищете духовенства, приводящей к зависимости клира от прихожан и отчаянному поиску побочных источников дохода. Сложившаяся в законодательстве тенденция логически приводила к стремлению, высказанному в Духовном регламенте, «так церкви обустроить, чтобы довольное число прихожан к каждой было приписано»<sup>13</sup>. Одновременно, в 1722 г., появились указы, запрещающие без санкции Синода строить новые церкви: определение Синода от 18 апреля<sup>14</sup> и синодальный указ от 31 октября<sup>15</sup>. Так закладывалась основа нового подхода к строительству церквей. Отныне, прежде чем начать строительство, прихожане сообщали Синоду о владельце земли, на которой предполагалось возвести храм. Им же надлежало изложить «нужду», по которой начато строительство, указать источники обеспечения всем необходимым церкви и служителей. Требовалось информировать Синод о количестве дворов в предполагаемом приходе и расстоянии, на котором они расположены. Надзор за строительством церквей, которые приходилось часто восстанавливать, оказался утомителен для Синода. Вскоре после смерти Петра I рассмотрение вопросов, связанных с сооружением приходских храмов, перешло в руки епархиальных архиереев<sup>16</sup>.

В дальнейшем разграничение компетенции центральной и местной власти вновь подверглось пересмотру, а приходская жизнь — еще более детальной регламентации. Указ от 9 октября 1742 г. подтверждал права прихожан, с разрешения местной епархиальной власти, обзаводиться храмом при условии обеспечения клира достаточным жалованьем (ругой), с отводом к церкви участка пашенной и сенокосной земли. Вторым обязательным условием стало «довольствование» приходской церкви, которую надлежало снабдить сосудами (серебряными или, по крайней мере, оловянными), утварью, книгами, облачением для священно- и церковнослужителей<sup>17</sup>. Синодальный указ от 25 ноября 1757 г., подтверждающий законодательный акт, позволял прихожанам строить

---

<sup>13</sup> ПСЗ-1. Т. 6. № 4022.

<sup>14</sup> ОДСС. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1879. № 495.

<sup>15</sup> ПСЗ-1. Т. 6. № 4122.

<sup>16</sup> Там же, т. 7. № 4988.

<sup>17</sup> ПСПиР. СПб., 1899. Т. 1. № 214.

церкви с разрешения архиереев и лишь в тех случаях, когда расстояния от их селений до старой церкви превышало 20 верст<sup>18</sup>. Во второй половине XVIII столетия начался возврат к правовым нормам начала века. В декабре 1770 г. появился синодальный указ, запрещающий строить новые церкви без указа Синода, а за местными архиереями сохранялось лишь право санкционировать строительство новых церквей взамен ветхих и сгоревших<sup>19</sup>. Все эти запрещения были истолкованы местной епархиальной властью «в самом узком и стеснительном для причта и прихожан смысле»<sup>20</sup>. Епископы не позволяли производить даже внешние, без повреждения престола, исправления и починки в церквях без особого разрешения. Синод на основании дошедших жалоб вынужден был издать 5 мая 1774 г. указ «о произведении починки церквей без дозволения епархиальных архиереев, ежели она не касается алтаря и без повреждения престола быть может»<sup>21</sup>.

И все же анализ законодательства дает основание усомниться в том, что «приходская община оказалась прочно отодвинутой на заднее место: вопрос опять предполагалось решать по согласию высшей духовной и светской администрации»<sup>22</sup>. В подавляющем большинстве случаев в XVIII столетии и довольно часто в XIX—начале XX в. возведение храма могло происходить только по «самопроизвольному желанию» прихожан и за их счет. При этом как светские, так и духовные власти были заинтересованы в приобщении государственных крестьян, как и всего населения, к церковной жизни. Участие в богослужении (особенно в викториальные и высокаторжественные дни) рассматривалось не только как христианский долг, но и как обязанность верноподданного. Это стало причиной, побуждающей Синод заботиться об увеличении числа церквей. Строительство храма, таким образом, являлось не только следствием духовных устремлений верующих, но и результатом непростого компромисса между интересами прихожан и жесткими требованиями органов церковного управления. Такой компромисс был настоятельно необходим в Олонецкой епархии. К концу XVIII в. в 206 приходах, из которых она состояла до

---

<sup>18</sup> ПСЗ-1. Т. 14. № 10 780.

<sup>19</sup> Там же. Т. 19. № 13 514.

<sup>20</sup> Папков А.А. Упадок православного прихода (XVIII—XIX вв.). Историческая справка. М., 1899. С. 50.

<sup>21</sup> ПСЗ-1. Т. 20. № 14 144.

<sup>22</sup> Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 122.

временной ликвидации, насчитывалось 412 церквей<sup>23</sup>. Дальнейшее развитие приходской системы сдерживалось низкой плотностью населения. Данные исповедных ведомостей показывают, что средние количества дворов во всех уездах ненамного превышали или даже не достигали установленных штатами минимальных показателей<sup>24</sup>. Так, в Петрозаводском уезде среднее количество дворов в приходе в конце XVIII в. составило 108<sup>25</sup>, в Повенецком уезде – 115<sup>26</sup>, в Пудожском – 112<sup>27</sup>, в Олонецком – 137<sup>28</sup>, в Лодейнопольском – 79<sup>29</sup>, в Каргопольском – 232<sup>30</sup>, в Вытегорском – 109 дворов<sup>31</sup>.

Инициатива строительства церкви исходила от сложившейся приходской общины (как правило, в документах упоминаются и церковный староста, и священник «с причетники»). Прихожане просили епископа или Синод разрешить возведение храма и брали на себя обязательство «безо всяких отмен» обеспечивать всем необходимым как церковь, так и причт. Из 28 обнаруженных дел о строительстве церквей в XVIII в. лишь одно содержит данные о возведении храма полностью не за «мирской шет»<sup>32</sup>. Приведем характерные примеры. Крестьяне Водлозерского погоста в 1755 г. обязались «с общего мирского совету» построить теплую церковь и направили соответствующее прошение в Синод. В челобитной содержалось обязательство «оную церковь построить и, что ныне надлежит, каких церковных надобностей, исполнять безо всяких отмен»<sup>33</sup>. В 1757 г. жители Вытегорского погоста обратились в Синод с просьбой о разрешении построить новые церкви на месте сгоревших. В прошении содержались сведения о «церковной пашенной земле» и сенных покосах, предназна-

---

<sup>23</sup> НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 1/1, л. 18–21 (Ведомость, сочиненная в Олонецкой духовной консистории в 1797 г., состоящим в Олонецкой и Архангельской епархиях церквям и монастырям).

<sup>24</sup> Штаты, утвержденные в 1778 г., предусматривали обычные размеры приходов в 150 дворов (см.: ПСЗ-1. Т. 20. № 14 807).

<sup>25</sup> НА РК, ф. 25, оп. 21, д. 25/74 (Исповедные ведомости).

<sup>26</sup> Там же, оп. 19, д. 2/20 (Исповедные ведомости).

<sup>27</sup> Там же, оп. 21, д. 68/123; оп. 11, д. 7/66 (Исповедные ведомости).

<sup>28</sup> Там же, оп. 21, д. 10/40 (Исповедные ведомости).

<sup>29</sup> Там же, оп. 11, д. 7/69 (Исповедные ведомости).

<sup>30</sup> Там же, оп. 21, д. 2/6 (Исповедные ведомости).

<sup>31</sup> Там же, оп. 11, д. 3/8 (Исповедные ведомости).

<sup>32</sup> См. статистические сведения: Пулькин М.В. Строительство церквей во второй половине XVIII в. (по материалам сельских приходов Олонецкой епархии) // Вестник Псковского вольного университета. 1995. № 4–6. С. 88.

<sup>33</sup> РГИА, ф. 835, оп. 36, д. 50, л. 4.

ченных духовенству<sup>34</sup>. «Приходские люди» Крошнозерской волости в 1795 г. указывали в прошении, что «быв на всеобщем мирском полном сходе, всеусердное возымали желание иметь особую церковь и к той церкви принять священника и двух причетников, и в пропитание они, крестьяне, определяют для сего клира землю и сверх оной будут довольствоваться денежным и хлебным подаянием»<sup>35</sup>.

Узнаваемый порядок сохранился и в XIX в. Решение о строительстве принималось всеми крестьянами на сходе. За духовной консисторией закон оставил право наблюдать за тем, чтобы церкви «сооружались в тех местах, где православные христиане имеют в том надобность», строительство церкви соответствовало «действительным потребностям верующих», а храмы не оспались впоследствии «в опустении и небрежении, неприличном святости храма» и чтобы, наконец, церкви не строились среди обывательских домов или слишком близко от них<sup>36</sup>. Вопрос о строительстве церквей закон предписывал решать следующим образом. Во-первых, следить за соблюдением «достоинства и приличия в архитектурном отношении». Во-вторых, планы и фасады церквей профессионально, с архитектурной точки зрения, рассматривались строительным отделением губернского правления. В-третьих, не позволялось без особого разрешения Синода перестраивать древние церкви<sup>37</sup>. Епархиальное начальство получило право при необходимости и по мере возможностей «оказывать прихожанам пособия для построения церквей»<sup>38</sup>.

Некоторое разнообразие в устоявшийся порядок принятия решений о возведении храма иногда вносили сами священники. Как видно из указа Петрозаводского духовного правления, священник Сегозерского прихода в 1802 г., «быв на мирском скопе, в пьяном виде крестьян в платеже денег, обещанных ими на сооружение в оном приходе каменной церкви, развращал, говоря, чтоб никто из крестьян требуемых начальством денег на платил», заявляя, «что не нужно и не надобно никакой в погост церкви»<sup>39</sup>. Гораздо чаще священники вели себя адекватно, заботясь об интересах церкви. В 1871 г. крестьяне Горского прихода, «быв на общем сельском сходе», где выслушали словесное предложение местного священника Василия Лебедева, решили ходатайствовать «о разрешении

---

<sup>34</sup> Там же, ф. 796, оп. 36, д. 481, л 1 (Прошение прихожан).

<sup>35</sup> Там же, оп. 78, д. 292, л. 12.

<sup>36</sup> Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство. М., 1901. С. 13.

<sup>37</sup> Там же, с. 14.

<sup>38</sup> Там же, с. 16.

<sup>39</sup> НА РК, ф. 126, оп. 2, д. 1/9, л. 1.

построить теплую новую деревянную церковь внутри прежней церковной ограды»<sup>40</sup>. Изучая документы, легко прийти к выводу о различиях в решении важнейших вопросов приходской жизни. При избрании духовенства в приходских документах («выборах») говорится лишь о единодушии при принятии решения. В мирском приговоре, утверждающем решение о строительстве церкви, присутствует формулировка, указывающая на то, что вопрос обсуждался на сходе. Это, на мой взгляд, позволяет предположить, что в процессе решения двух важнейших для приходской общины проблем сохранялась значительная разница. Выбор духовенства происходил посредством сбора подписей. Такой подход вполне закономерен: в прошении о строительстве церкви оговаривалась самая важная проблема, неизбежно возникающая при подборе церковников, — обеспечение духовенства.

Мирской приговор о строительстве церкви как в XVIII, так и XIX—начале XX в. являлся предварительным этапом прохождения вопроса через бюрократические инстанции. Прошение вручалось приходскому поверенному, которым свободно мог стать как церковник, так и прихожанин. Независимо от сословной принадлежности он пользовался правами, оговоренными в «верующем письме». Так, прихожане Андомского погоста направили в 1755 г. в Новгородскую духовную консисторию дьякона Григория Петрова, поручив ему передать прошение о строительстве церкви и указав во врученном ему «верующем письме», что «в чем ево, дьяконово, прошение будет, ему, дьякону, во всем верим, в том сие верующее письмо дали»<sup>41</sup>. Поверенный согласовывал вопрос в консистории или Синоде. Имеющиеся источники позволяют выявить список требований, предъявляемых к тем прихожанам, которые решили обзавестись храмом. Как правило, изложенные в указах консистории критерии совпадают с синодальным определением 1722 г., хотя и не полностью воспроизводят его. Получив из рук поверенного прошение о строительстве церкви, епископ поручал местным духовным властям (поповскому старосте или духовному правлению) выяснить, каким образом организовано обеспечение клира, на каком расстоянии от церкви находятся дворы прихожан и — в некоторых случаях — была ли на самом деле в указанном крестьянами месте церковь (дела о создании новых приходов, как говорилось выше, решались в Синоде). Всю информацию о приходе местная духовная власть получала от местных жителей, а проверка достоверности их показаний возлагалась непосредственно на тех, кто собирал

---

<sup>40</sup> НА РК, ф. 25, оп. 4, д. 33/15, л. 6 (Мирской приговор).

<sup>41</sup> РГИА, ф. 796, оп. 35, д. 487, л. 1.

сведения. Например, получив в 1766 г. из Маселской выставки<sup>42</sup> Олонецкого уезда просьбу разрешить «возобновление» церкви на месте сгоревшей, епископ Олонецкий и Каргопольский Иоанникий распорядился послать «приказ» поповскому старосте в Лопские погосты. Старосте предписывалось опросить «окольных людей» и выяснить, «от кого ж Паданского погоста выставка Маселска, и в ней церковь пророка Илии подлинно ль имелась, и та церковь погорела в котором именно году, и для чего по сие время не устроена, и приходские люди на каком расстоянии от нее жительствоуют»<sup>43</sup>.

В документах, связанных с Олонецкой епархией, сохранилось всего два дела о запрете строить церковь. В прочих 28 уцелевших в фонде канцелярии Синода делах вопрос без проволочек был решен положительно. Главной причиной отказа прихожанам становилось отсутствие «указной пропорции земли». В 1798 г., например, епископ направил прихожанам Салменижского прихода Петрозаводского уезда указ, которым «дал знать», что «без предварительного отведения земли, как прежними указами предписано, дозволить новую церковь строить никак не возможно»<sup>44</sup>. Строительство церкви запрещали и в том случае, если ее предполагалось возвести слишком близко от домов прихожан. В данном случае речь шла о предотвращении пожаров. Так, в 1780 г. олонецкий преосвященный, как видно из «промемотории», отправленной в Паданскую нижнюю расправу, запретил прихожанам Селецкого погоста «возобновить» церковь на прежнем месте, предупреждая, что «естли <...> по присланному указу учинено не будет, хотя и построена ими будет церковь, об освящении оной благословения и указа им не дастся»<sup>45</sup>.

В целом запреты строительства церкви всегда являются исключением. В прошениях священно- и церковнослужителей, «выборах», ведомостях о состоянии церковных приходов сохранились данные об обеспечении церковников 49 приходов в конце XVIII в. Из всех перечисленных источников видно, что «указной», соответствующей Инструкции межевым губернским канцеляриям, нормой земли или превышающим ее наделом было обеспечено духовенство 7 приходов, а в 15 приходах церковной земли не было вовсе. Остальные приходы предоставляли церковникам пригодную для сельскохозяйственных нужд

---

<sup>42</sup> *Выставка* – отделившийся от основного поселения двор или деревня. В некоторых случаях – филиальная церковь.

<sup>43</sup> ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 701, л. 59.

<sup>44</sup> ГААО, ф. 29, оп. 9, д. 153, л. 63.

<sup>45</sup> НА РК, ф. 650, оп. 1, д. 7/28, л. 1, об.



землю в крайне незначительном количестве. Таким образом, причины запретов строить церкви становятся не вполне понятными. В подавляющем большинстве случаев епископ предпочитал обречь клир на нищету и зависимость от «мужиков», но не оставить крестьян без богослужения. Запрет строить церковь на малом расстоянии от приходских дворов также, скорее всего, случаен.

Значительно более назойливым стал в последнее десятилетие XVIII в. надзор со стороны светских властей. В 1790 г. олонецкий и архангельский генерал-губернатор Т.И. Тутолмин вознамерился прекратить незаконные вырубку пригодных для кораблестроения лесов. Для церквей, как видно из сообщения, направленного в адрес консистории, решено было сделать исключение. Но, предупреждая «всякие под сим предлогом сокрыться могущие злоупотребления», генерал-губернатор предписал, чтобы «без предварительного ветхостей церковных нижним земским судом освидетельствования и назначения прямого числа дерев на то, без наималейшего излишества, потребных, вырубка лесов отнюдь не дозволялась». Земские суды, по данным того же источника, отвечали и за «употребление вырубленных лесов на ту самую надобность, для коей оные предназначены»<sup>46</sup>. Нетрудно догадаться, что эти меры ограничивали лишь строительство церквей. Ведь намерение крестьян возвести храм немедленно становилось известно местной администрации, а бытовые постройки местные жители сооружали без всяких согласований.

Итак, сформировалась система ограничений, которые в идеале, по замыслу законодателей, обеспечивали клир строящейся церкви средствами к существованию. Установились правовые нормы, ограждающие здание храма от произвола мирян. Возведение церквей было приведено в соответствие с новомодными природоохранными мероприятиями. Остался один, не менее существенный пункт – внешний облик храма. Регламентация архитектурных особенностей церквей до начала 1790-х гг. прослеживается слабо. Похоже, она зависела не столько от требований закона, сколько от усердия епископа. Так, в единственном сохранившемся указе Аарона, епископа Корельского и Ладожского, прихожанам Водлозерского погоста Олонецкого уезда, датированном 1719 г., предписывалось построить церкви взамен сгоревших, но чтобы при этом «верхи на тех были не шатровые, и олтари сделать круглые, тройные <...> да подле царских дверей меж южных в начале поставить образ Всемилюстивого Спаса»<sup>47</sup>. Возобновив дело о строительстве, прихожане в 1755 г. по-

---

<sup>46</sup> НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 1/1, л. 89.

<sup>47</sup> РГИА, ф. 796, оп. 36, д. 50, л. 3.

лучили из Новгородской духовной консистории следующий лаконичный указ: «буде каких препятствий не окажется, строить дозволить»<sup>48</sup>. Вплоть до конца 1780-х гг. резолюции епископов и указы консисторий выдержаны в таком же духе.

В последнее десятилетие XVIII в. ситуация резко меняется. При строительстве церкви прихожане обязывались представить «план», который после утверждения в консистории становился своеобразным руководством для зодчих. Так, причт и прихожане «упраздненной» (превращенной в приходскую церковь) Сяндебской пустыни направили в адрес епископа Олонецкого и Архангельского Вениамина прошение «о дозволении на место обветшалой деревянной церкви построить новую на каменном фундаменте <...> при коем прошении и план приложили»<sup>49</sup>. Свидетельством того, что «план» составляли сами прихожане, а не церковные власти, служит оговорка в одном из прошений. Верующие Обжанского прихода в 1796 г. прислали епископу Вениамину прошение о ремонте церкви, связанном с «совершенным разрушением святого престола». «План» при челобитной они не прилагали, указывая, что «плану же оныя здесь учинить некому»<sup>50</sup>. Проект строительства являлся основным документом, на основании которого осуществлялся надзор за возведением церкви. Этот аспект приходской повседневности отражен в законодательстве, которое вполне определенно предписывало прихожанам перед началом строительства позаботиться о «планах». Их составлял губернский архитектор по ходатайству верующих и исходя из их материальных возможностей («сообразно состоянию их») <sup>51</sup>. Документы, подтверждающие существование «планов» и их значимость при строительстве, появляются в делопроизводстве в конце XVIII в. Так, Олонецкая духовная консистория в 1794 г. направила в Колодозерский приход указ, в котором предписывалось «закашику над строением по плану наблюдать»<sup>52</sup>. В течение XIX и начала XX в. в этом вопросе не произошло серьезных изменений<sup>53</sup>. В 1865 г. консистория предписывала осуществлять строительство Ругозерской церкви «хозяйственным образом под наблюдением в

---

<sup>48</sup> Там же, л. 4.

<sup>49</sup> ГААО, ф. 29, оп. 9, д. 153, л. 74.

<sup>50</sup> НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 3/58, л. 2.

<sup>51</sup> *Александров Н.* Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства. СПб., 1860. С. 136.

<sup>52</sup> НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 2/31, л. 18.

<sup>53</sup> *Ивановский Я.* Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов). СПб., 1883. С. 146.

техническом отношении помощника гражданского инженера»<sup>54</sup>. Имея «план», местный благочинный «произвел торги» и таким путем нашел подрядчиков из числа «торговавшихся мастеров»<sup>55</sup>. В 1872 г. Олонецкая духовная консистория предписала «озаботить священнослужителей и прихожан Горского прихода составлением архитектурских плана и сметы на постройку в их приходе церкви»<sup>56</sup>. В 1900 г., выделив деньги на строительство храма в деревне Спасская Губа, крестьянин П.С. Макарьев явился в консисторию за «планом». Губернское правление, к которому обратилась консистория, подготовило проект, который после согласования с заказчиком воплотился на отведенном местными крестьянами месте<sup>57</sup>.

Благодаря наличию «планов» регламентация строительства храмов становится все более скрупулезной. Постепенно архиерей включает в свою компетенцию все более широкий круг подробностей проекта будущей церкви. Например, разрешая в 1796 г. крестьянам из Лоянского прихода возведение церкви, епископ Вениамин в резолюции предписывал: «В строении для прочности вместо окладных бревен положить под все стены каменный ряд <...> и всю ту церковь, ежели можно, снаружи оббить досками под фасон каменного здания»<sup>58</sup>. Целью регламентации стала большая утилитарность церковного здания. Прочие подробности архитектуры и декор церквей занимали духовные власти значительно меньше. Так, запрет строить «шатры» встречается в делопроизводстве только один раз – в цитированном выше указе. Отзвуки этого запрета встречаются в крестьянских прошениях. Так, прихожане Николаевского прихода города Олонца, словно оправдываясь, указывали в прошении, что в их приходе «собор во имя Святителя Николая Чудотворца – состоящая на грунте, деревянная, *шатровая церковь* (курсив мой. – М.П.), поелику построена в 1630 году»<sup>59</sup>.

Преодолев все бюрократические рогатки, крестьяне приступали к строительству. Храм часто возводили на средства приходской общины. Иногда клир прибегал к сбору средств на территории епархии или даже за ее пределами. В условиях действия тогдашней паспортной системы попытки такого рода сильно затруднялись. Как видно из рапорта Главной полицмейстерской канцелярии, в Петербурге, на квар-

---

<sup>54</sup> НА РК, ф. 25, оп. 4, д. 27/9, л. 20 (Из журнала Олонецкой палаты государственных имуществ).

<sup>55</sup> Там же, л. 54 (Рапорт повенецкого благочинного).

<sup>56</sup> Там же, д. 33/15, л. 28 (Из журнала консистории).

<sup>57</sup> Там же, оп. 20, д. 54/613, л. 21 (Рапорт о завершении строительства церкви).

<sup>58</sup> ГААО, ф. 29, оп. 9, д. 153, л. 184, об.

<sup>59</sup> НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 4/35, л. 7.

тире полицейского премьер-майора Русакова, были задержаны дьякон Иосифов и дьячок Григорьев, прибывшие из Олонца для сбора средств на ремонт местного храма<sup>60</sup>. С такими же целями, судя по прошению, собирался в Петербург священник Федул Михайлов, но ему отказали в выдаче паспорта<sup>61</sup>. Если сбор средств предполагалось осуществлять не в имперской столице, а в пределах епархии, начальство взирало на это мероприятие более благосклонно. Епископ Вениамин в 1795 г. распорядился, как видно из его резолюции на прошении крестьян, выдать шнуровую книгу прихожанам Шимозерского прихода Лодейнопольского уезда, которые желали «привесть к совершению» свою церковь, но не располагали средствами<sup>62</sup>.

Для XVIII в. редким исключением стал случай, когда строительство церкви производилось на пожертвования одного прихожанина. При ограниченности в этот период капиталов местного купечества такой порядок финансирования строительства маловероятен. Современники не без оснований полагали, что большинство олонецких купцов в XVIII в. придерживались старообрядчества<sup>63</sup>. В источниках XVIII в. удалось обнаружить только одно упоминание о строительстве храма целиком за счет частного пожертвования. Богатый петербургский купец Трофим Логинов, выходец из Олонецкого уезда, завещал 7000 рублей на строительство церкви в родной деревне. Получив в 1777 г. внезапную радостную весть, крестьяне «учинили» довольно сбивчивую «подписку» в том, что «должественно иметь всегда тщательное и усердное своими трудами старание <...> все, что до строения церкви принадлежащего, выполнить безостановочно должны»<sup>64</sup>.

Сходному порядку строительства церковей было уготовано большое будущее в XIX—начале XX в. Известный благотворитель, купец М.П. Пименов в 1842 г. на свои средства построил храм в с. Шокше<sup>65</sup>. Это стало примером для многих других радетелей. В Речно-Георгиевском приходе

---

<sup>60</sup> ОДДСС. Т. 50. Пг., 1914. № 159.

<sup>61</sup> ГААО, ф. 29, оп. 2, д. 147, л. 44 (Журнал консистории).

<sup>62</sup> НА РК, ф. 25, оп. 15, л. 2/35, л. 2.

<sup>63</sup> Об этом, в частности, пишет олонецкий губернатор Г.Р. Державин. (См.: *Державин Г.Р.* Поденная записка, учиненная во время обозрения Олонецкого наместничества // *Пименов В.В., Эпштейн Е.М.* Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958. С. 78).

<sup>64</sup> РГИА, ф. 796, оп. 59, д. 42, л. 4.

<sup>65</sup> *Кораблев Н.А.* Пименовы — династия предпринимателей, благотворителей и общественных деятелей // *Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества.* Петрозаводск, 2008. С. 70.

Каргопольского уезда в 1897 г. завершилось строительство каменного храма. Средства на строительство церкви предоставил почетный гражданин города Санкт-Петербурга А.Е. Бурцев по просьбе придворного протоиерея Г.М. Любимова, к которому обратился с просьбой о поддержке богоугодного дела земский начальник А.К. Боровский<sup>66</sup>. В Виданском приходе в течение XIX в. обе церкви были перестроены за счет средств представителей торгового сословия, «вследствие совершенной бедности» местных жителей<sup>67</sup>. В деревне Константиновские Пороги церковь возвели за счет частных пожертвований, но лес для строительства предоставил хозяин фирмы «Громов и компаньоны» Ратьков–Рожнов<sup>68</sup>. В конце XIX в. церковь в Тудозерском приходе возвели «на средства известной своей широкою благотворительностью вытегорской купчихи Е.И. Матвеевой»<sup>69</sup>. В 1896 г. церковь во имя Пророка Илии возвел на свои средства Санкт-Петербургский купец Е.И. Капустин, он же «снабдил ее всем необходимым для богослужения»<sup>70</sup>. В местной прессе содержатся иронические замечания о новом порядке строительства храмов, при котором церковь возникала словно сама собой, без участия местных жителей: «Нашлась где-то добрая душа, устроила беднякам–вагвозерам храм Божий»<sup>71</sup>. Самым необычным жертвователем на нужды строительства церквей в Олонецкой епархии стал император Николай II. Он откликнулся на просьбы жителей приграничного с Финляндским княжеством Ватчельского прихода и «из своих личных средств отпустил на устройство храма 2500 рублей». Местные крестьяне и Карельское братство собрали оставшуюся часть суммы. В результате появился «просторный, великолепный храм»<sup>72</sup>. В начале XX в. устоявшийся порядок сохранялся. Так, в Немжинском приходе Лодейнопольского уезда церковь во имя великомученика Георгия построена за счет

---

<sup>66</sup> Б.С. Село «Река» Каргопольского уезда // ОЕВ. 1897. № 6. С. 71.

<sup>67</sup> *Островский Д.* Село «Видана» // ОЕВ. 1900. № 12. С. 458.

<sup>68</sup> *Надеждин В.* Торжество освящения храма в селении «Константиновские Пороги» // Там же. 1900. № 13–14. С. 522.

<sup>69</sup> *Волокославский А.* Соединенный крестный ход 8 приходов 17-го благочиннического округа Олонецкой епархии к Параскевинской приписной церкви Тудозерского прихода Вытегорского уезда 17 и 18 июля // Там же. 1914. № 26. С. 603.

<sup>70</sup> *Пепшин В.* Церковно-приходской совет в Салменицком карельском приходе Петрозаводского уезда, его открытие и первоначальная деятельность // Там же. 1909. № 16. С. 358.

<sup>71</sup> К. Из дикого угла (корреспонденция из с. Вагвозеро Олонецкого уезда) // ОГВ. 1902. № 125. С. 2.

<sup>72</sup> *Пепшин В.* Духовное торжество в селе Ватчеле Петрозаводского уезда 4 марта 1912 года (Освящение храма) // Там же. 1912. № 14. С. 254.

средств московского купца П.С. Найденова, а необходимый для постройки лес пожертвован местными крестьянами<sup>73</sup>.

В то же время в XIX—начале XX в. не исчез прежний общинный порядок строительства церквей всем миром. В 1820 г. такое решение приняли крестьяне Деревянского прихода. Объясняя свою щедрость, они писали: «Состоящая в нашем погосте деревянная колокольня так обветшала, что клонится к падению и приводит в страх во время производства звона в ней»<sup>74</sup>. В 1863 г. вместо аварийной церкви в Гимольском приходе местные жители возвели новую, «тщанием прихожан и на сборную сумму»<sup>75</sup>. В материалах начала XX в. нетрудно найти примеры подобного рода. Так, 1909 г. состоялось освящение храма в Тихмангском приходе Вытегорского уезда. Епархиальная печать подчеркивала роль инициативы прихожан в решении всех финансовых вопросов: «Не на капиталы особых пожертвователей и не на богатые вклады благотворителей, а исключительно на копейки и рубли самих прихожан построены Тихмангские храмы»<sup>76</sup>. В 1912 г. за счет средств, накопленных прихожанами, была построена церковь в Шильдском приходе Вытегорского уезда. Необходимую сумму крестьяне накопили благодаря регулярным сборам хлеба, масла, и других продуктов, которые затем продавали с торгов. В итоге они «построили храм без посторонней помощи, а все своими трудами»<sup>77</sup>. Точно так же в этом же году проблема строительства церкви была решена в дер. Пялозере. Крестьяне по предложению местного священника собрали необходимые 2500 руб., привезли лес, и в деревне появилась новая церковь взамен пришедшей в ветхость<sup>78</sup>.

Средства крестьян, собранные в пределах прихода по мере возможности и имущественного достатка с каждого из верующих, иногда становились дополнением к частным пожертвованиям. Так, в 1848 г. Троицкая церковь в Толвуйском погосте возведена «тщанием крестьянина Петра За-

---

<sup>73</sup> Фарсионов А. Немжинский приход Лодейнопольского уезда // ОЕВ. 1906. № 13. С. 508.

<sup>74</sup> НА РК, ф. 126, оп. 3, д. 1/18, л. 5 (Прошение крестьян).

<sup>75</sup> Надпорожский П. Гимольский приход Повенецкого уезда // ОЕВ. 1900. № 6. С. 226.

<sup>76</sup> Ордомский А. Освящение храма в честь святителя и чудотворца Николая в Тихмангском приходе Вытегорского уезда // ОЕВ. 1909. № 7. С. 169.

<sup>77</sup> Баженов П. Новоустроенный храм // Там же. 1912. № 4. С. 97.

<sup>78</sup> Никольский А. Освящение храма в дер. Пялозере Петрозаводского уезда // ОГВ. 1912. № 32. С. 547.

харьева при пособии приходских людей»<sup>79</sup>. Традиционный порядок финансирования церковей за счет «доброхотных дателей», путем сбора денег за пределами прихода, дошел до XIX в. во вполне узнаваемом виде. Так, в 1847 г. «приходские люди» Ухтозерского прихода Вытегорского уезда совместно со священником и церковным старостой, «быв в земской избе», избрали для сбора подаяния на строительство церкви одного из прихожан и выдали ему документ, подтверждающий, что он с разрешения епархиального начальства может собирать деньги на возведение храма<sup>80</sup>. Во второй половине XIX в. традиция сохранилась. В 1859 г. крестьяне Вершининского и Ряпусовского сельских обществ составили приговор о желании собрать за пределами прихода средства на строительство каменной Успенской церкви. Обязанности, связанные со сбором денег, принял на себя один из местных жителей. Одновременно крестьяне обязались самостоятельно выкопать траншеи и ямы под фундамент и вывезти к месту строительства церкви необходимые лесоматериалы. В ответ на инициативу крестьян Олонецкое губернское правление прислало архитектора для составления проекта строительства и техника для освидетельствования грунта. Строительство церкви завершилось в 1875 г.<sup>81</sup>. В сентябре 1865 г. началось дело о строительстве церкви в Ругозерском погосте. Для сбора средств на нужды стройки был избран один из числа местных прихожан, которому консистория вручила «сборную книгу» для «сбора доброхотных подаяний во всех городах Российской империи». Как видно из дела, поверенный соответствовал критериям благонадежности: «знающий русский язык, поведения хорошего, в штрафах и под судом не бывал, на рекрутской очереди не состоит»<sup>82</sup>. В 1871 г. строительство церкви в Горском приходе Олонецкого уезда осуществлялось узнаваемым способом. Прихожане «из среды себя» выбрали сборщика и заявили о согласии «принять на себя вывозку леса и прочих материалов, необходимых при постройке»<sup>83</sup>. Однако возможности сборщика к этому времени сильно ограничились: он дал особую подписку в том, что «сбор благотворительных подаяний» будет производить лишь в Олонецкой епархии, а в другие отправится лишь с

---

<sup>79</sup> НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 33/1, л. 1 (Ведомость о церкви Живоначальной Троицы).

<sup>80</sup> Там же.

<sup>81</sup> *Макаров Н.А.* Кенозерский приход Пудожского уезда Олонецкой губернии в XVI—начале XX в. // Поморские чтения по симеотике культуры: Вып. 2. Сакральная география и этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск, 2006. С. 327—329.

<sup>82</sup> НА РК, ф. 25, оп. 4, д. 27/9, л. 5, об. (Указ консистории).

<sup>83</sup> Там же, д. 33/15, л. 8 (Из журнала консистории).

разрешения местных архиереев. По истечении срока сбора денег он объявлялся «явиться с книгою к причту для учета собранных денег»<sup>84</sup>.

В конце XIX в. церковный староста из Имоченского прихода Лодейнопольского уезда решил вопрос о сборе денег вполне узнаваемым образом. Он нашел «сборщицу бывалую, усердную <...> женщину умную, просвещенную и благочестивую», которая успешно собрала недостающую для завершения строительства местного храма сумму<sup>85</sup>. В XIX—начале XX в. сборщики средств, «выполнявшие задание приходского коллектива», превратились в особую, широко распространенную категорию странников, посещающих удаленные приходы в поисках денежных средств для строительства<sup>86</sup>. Их деятельность активно поощрялась церковным начальством. В 1907 г. олонецкий архиерей выразил благодарность крестьянину Веральско-Феодосиевского прихода А.А. Томилову «за весьма усердный сбор пожертвований на постройку церкви»<sup>87</sup>. В 1914 г. епархиальная пресса отмечала успехи крестьянина Андомского прихода Вытегорского уезда С.Т. Приткина. Проникнувшись идеей о строительстве церкви в родной деревне, он «обратился за помощью ко всем сочувствующим делу построения храма». Его деятельность оказалась успешной: «На горячий призыв отозвались многие из богатых лиц и скоро отыскались средства». Строительство церкви быстро и успешно завершилось<sup>88</sup>.

Государственное финансирование возведения церквей в Олонецкой епархии и в XIX в. оставалось редким явлением. Так, в 1861 г., оценивая ситуацию, сложившуюся в строительстве церквей, олонецкий пресвященный указывал, что за счет казны возводят храм в Петрозаводске, а во всех прочих частях епархии церкви строятся «частным способом»<sup>89</sup>. Исключением стало строительство церкви в Веральском приходе Каргопольского уезда. Здесь местный священник, «умудренный житейским и служебным опытом о. Василий», обратился через консисторию в Святейший синод и получил деньги (1500 руб.) на постройку хра-

---

<sup>84</sup> Там же, л. 24.

<sup>85</sup> М.С. Алексей Тимофеевич Смекалов (Некролог) // ОЕВ. 1906. № 13. С. 517.

<sup>86</sup> Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005. С. 312.

<sup>87</sup> Выражение благодарности // ОЕВ. 1907. № 13. С. 318.

<sup>88</sup> С.П.П. Духовное торжество в деревне Великом Дворе Андомского прихода Вытегорского уезда // Там же. 1914. № 22. С. 520—521.

<sup>89</sup> РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 61, л. 18, об. (Отчет о состоянии епархии).



ма, лес для которого бесплатно заготовили прихожане<sup>90</sup>. В соседней епархии, в Кемском уезде, напротив, возведение церковей довольно часто происходило за счет государственного финансирования<sup>91</sup>.

В тех случаях, когда у населения отсутствовали необходимые средства, а представители торгового сословия не проявляли инициативы в строительстве церковей, процесс возведения новых храмов существенно замедлялся и мог даже полностью остановиться. Так, судя по отчету о состоянии Олонецкой епархии за 1900 г., в ней имелось «немало мест», в которых население нуждалось в открытии новых приходов. Увеличению количества церковей в епархии наиболее ощутимо мешало отсутствие средств<sup>92</sup>. Как говорилось далее в цитируемом документе, «в Олонецкой епархии, как одной из обширнейших по занимаемому ею пространству, малонаселенной и большею частью бедным народом, рассеянным по множеству деревень, далеко отстоящих друг от друга, ощущается значительный недостаток церковей во многих местах»<sup>93</sup>. Отмечались и положительные тенденции: с годами «недостаток в церквах» становится менее заметным. Это происходит «благодаря пожертвованию благотворителей, о приискании которых заботились местные прихожане и епархиальное начальство»<sup>94</sup>. В редких случаях вопрос об источниках средств, на которые возводилась церковь, даже в начале XX в., когда контроль над строительством стал особенно вездесущим, оставался неясным. Так, в некрологе священника Девятинского прихода Олонецкой епархии содержалось откровенное признание: «Откуда берет на строительные нужды деньги о. Александр? Это тайна, которую о. Александр унес с собою в загробный мир ...»<sup>95</sup>.

После завершения строительства наступал черед освящения церкви. Прихожане вновь составляли прошение, которое отличалось от прошения о строительстве церкви лишь мотивировочной частью. В ней указывалось, что возведение храма завершено и, в том случае если антиминос был утрачен, содержалась просьба прислать новый анти-

---

<sup>90</sup> *Ольгский Н.* Освящение церкви в Веральско-Федосиевском приходе Каргопольского уезда // ОЕВ. 1911. № 28. С. 474.

<sup>91</sup> *Пулькин М.В.* «Корельские приходы» православной церкви в Кемском уезде (вторая половина XIX—начало XX в.) // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 27.

<sup>92</sup> РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1850, л. 9, об. (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1900 г.).

<sup>93</sup> Там же, л. 21.

<sup>94</sup> Там же, л. 23.

<sup>95</sup> *Поповский А.* Протоиерей Александр Тихомиров // ОЕВ. 1911. № 10. С. 162.

минс. В XVIII в. консистория поручала освящение храма приходскому священнику, не предпринимая освидетельствований церковного здания. Так, в 1794 г. «приходские люди» Колодозерского прихода Пудожского уезда направили в адрес консистории прошение, в котором указывали, что «церковь по данному плану ныне нами устроена и совсем приведена в совершенный порядок»<sup>96</sup>. «Резолюция же его преосвященства на том прошении последовала такова: освятить сию церковь на прежнем антиминсе приходскому священнику с приглашением других»<sup>97</sup>. В XIX—начале XX в., как показывают материалы делопроизводства и публикации епархиальной прессы, архиерей лично посещал большинство новопостроенных церквей и освящал их<sup>98</sup>. Так, в 1911 г. епархиальный архиерей добрался до удаленного от епархиального центра и небольшого Таржепольского прихода и освятит в нем церковь, построенную прихожанами по инициативе местного священника о. Василия Волокославского<sup>99</sup>.

В целом изучение проблем, связанных со строительством церквей, показывает, что в российском законодательстве XVIII—начала XX в. существовала отчетливо выраженная тенденция к постепенной централизации надзора за их возведением. С одной стороны, Синод оставлял за собой значительные права в решении данного вопроса, а с другой — епархиальные власти усиливали давление на приходскую общину. Кроме того, в течение всего XIX—начала XX в. за возведением церквей внимательно наблюдало строительное отделение при Олонецком губернском правлении. Так, в 1902 г., несмотря на наличие средств, полученных от церковного старосты купца И.С. Мартынова, оно запретило ремонт купола Повенецкого храма<sup>100</sup>. В конечном итоге строительство церквей отражает сложный процесс поиска компромисса между традицией и законодательством, необходимостью строительства храмов за счет прихожан — на основании их «самопроизвольного желания» — и административным сдерживанием их инициативы исходя из возможностей полноценного обеспечения клира будущей церкви.

Оказавшись перед дилеммой: усилить в соответствии с законодательством административный нажим на приход и, следовательно, замедлить

---

<sup>96</sup> НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 3/7, л. 5.

<sup>97</sup> Там же, л. 11.

<sup>98</sup> *Надеждин В.* Торжество освящения храма в селении «Константиновские Пороги», с. 523.

<sup>99</sup> *С.П. П.* Редкое торжество (В селе Таржеполе) // ОЕВ. 1911. № 11. С. 171.

<sup>100</sup> НА РК, ф. 25, оп. 20, д. 9/96, л. 185 (Отчет благочинного 2-го округа Повенецкого уезда).

восстановление и строительство церквей или ограничиться краткими рекомендациями прихожанам, позволяя им по собственному усмотрению строить церкви и назначать ругу (жалованье) духовенству во имя скорейшего возобновления храмов, местные архиереи явно выбрали второй путь. Результатом компромисса между епископом и прихожанами стало крупномасштабное строительство церквей по всей территории Олонецкой епархии, потребовавшее от местного населения серьезных капиталовложений, многолетнего усердного труда, связанного со строительством зданий и поддержанием их в надлежащем виде, немалых дипломатических усилий во взаимоотношениях с церковными властями. К 1910 г., по данным отчетов уездных исправников, в Петрозаводске и Петрозаводском уезде имелось 114 церквей, Олонце и его уезде – 68, Лодейном Поле и уезде – 85, Вытегре и уезде – 70, Каргополе и уезде – 126, Пудоже и уезде – 42, Повенце и Повенецком уезде – 58 церквей. Общее количество церквей и соборов по епархии составило 573<sup>101</sup>.

**Строительство часовен.** Судьба часовен в Олонецкой епархии и в России была принципиально иной. Во-первых, в конце XVII в. православные часовни России обрели устойчивую связь со старообрядческим движением, превратились в один из наиболее значимых символов идеологии беспоповства. Старообрядцы Карелии не исключение: построенные ими часовни оставались в XVIII в. единственной разновидностью храмов, признаваемой сторонниками «древлего благочестия». Во-вторых, в глазах представителей власти часовни ассоциировались с нежелательной приходской автономией, а совершаемые в них обряды менее всего поддавались церковному контролю. Ведь «в северных поселениях, сильно удаленных от приходского храма, полевые молебны служили в часовнях грамотеи»<sup>102</sup>. Даже в начале XX в. во многих часовнях Олонецкой епархии совершались языческие обряды, прихожане варили пиво, которое употребляли тут же, непосредственно на праздниках, связанных с местной часовней<sup>103</sup>. Нередко часовни строились на местах, в прошлом связанных с языческими культурами<sup>104</sup>. Оба эти мотива предопределили исключительно сложное, по большей части отрицательное отношение духовной и светской власти к часовням и связанной с ними обрядностью. В 1722 г. негативное

---

<sup>101</sup> НА РК, ф. 27, оп. 2, д. 26/407, л. 9, 27, 41, 65, 92, 117, 140, 158.

<sup>102</sup> *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии, с. 224.

<sup>103</sup> *П. Мошинский* приход Каргопольского уезда // ОЕВ. 1907. № 3, с. 79. С. 79.

<sup>104</sup> *Винокурова И.Ю.* Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX–начало XX в.). Петрозаводск, 1996. С. 50.

восприятие часовен обрело форму закона: Синод принял указ о «разобрании всех существующих часовен и нестроении впредь новых»<sup>105</sup>. Отныне все усилия духовных и светских властей были направлены на радикальное сокращение количества часовен. Прочие подробности жизни прихода, так или иначе связанные с часовнями, совершенно не интересовали власть предержащих.

В царствование Екатерины I Синод разрешил моление в уцелевших часовнях, распорядившись надзирать за тем, чтобы не причинялось «святым церквам обиды и поругания»<sup>106</sup>. В 1734 г. произошел возврат к петровскому законодательству. Синод распорядился не строить новых часовен на месте старых, а имевшиеся оставить в прежнем состоянии, надеясь на их естественное разрушение<sup>107</sup>. Такое компромиссное решение оставалось в силе в течение всего XVIII в. Оно повторено в инструкции «сотскому с товарищи» от 19 декабря 1774 г., которым предписывалось новые часовни «строить не допускать, а кто тех селениев <...> силою своею строить таковые часовни отважится, о том вам в канцелярию рапортовать немедленно». Им же предписывалось выяснять причины и обстоятельства постройки имеющихся часовен<sup>108</sup>.

Сокращение числа часовен наносило существенный урон материальным интересам церкви и «укрепляло эсхатологические настроения населения»<sup>109</sup>. В 1831 г. произошел ощутимый переворот в отношении Синода к строительству часовен. В марте 1831 г. высший орган церковного управления рассматривал представление олонецкого преосвященного «О существующих в Олонецкой епархии во множестве часовнях». Архиепископ в первые годы своей деятельности, сразу после воссоздания Олонецкой епархии, оценил значение часовен для религиозной жизни подведомственной ему территории, собрал подробные сведения об имеющихся в епархии часовнях и привел их подробную классификацию. По его мнению, часовни в Олонецкой епархии построены в связи с различными обстоятельствами. Во-первых, по случаю «каких-либо особенных событий в селениях, как то: по случаю скотского падежа, неурожая хлеба и пр.». Во-вторых, в связи с обнаружением чудотворных икон, «при каковых часовнях бывают из известные времена особенно многолюдные собрания и к коим <...> по

---

<sup>105</sup> Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. СПб., 1868. Т. 1. № 606.

<sup>106</sup> ПСПиР. СПб., 1881. Т. 5. № 959.

<sup>107</sup> Там же. Т. 8. № 2804.

<sup>108</sup> ПСЗ. СПб., 1830. Т. 19. № 14231.

<sup>109</sup> Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в., с. 141.

большей части бывают и крестные ходы из приходских церквей». Третья разновидность часовен связана с погребальной обрядностью: «некоторые выстроены близ селений в местах, где издавна погребают тела усопших». К четвертой разновидности относятся те часовни, которые «находятся в самих селениях и выстроены для богомоления по весьма значительной отдаленности от приходских церквей». И, наконец, епархиальный преосвященный отмечал существование таких часовен, которые появились без какой-либо очевидной причины («кои по существованию своему не имеют ни одной причины из вышеписанных»)<sup>110</sup>.

Архиерей предлагал дифференцировать ограничительные меры в отношении часовен. Нельзя, полагал владыка, оставлять часовни «без починки», ожидая их разрушения, поскольку может пострадать «весьма значительное» часовенное имущество. Некоторые часовни архиерей предлагал перестроить в церкви «для того, чтобы церкви были щасе». В ряде случаев часовни построены крестьянами в тяжелые времена и «служили напоминанием о Промысле Божиим, спасшем деревню от беды» и с их исчезновением «терялось бы в народе чувство молитвенного упования на Промысел Божий». Во многих часовнях вполне можно, по мнению преосвященного, сохранить традиционный порядок службы, но при том условии, чтобы «заведывание оными было священно- и церковнослужительское и церковным старостою через помощника ему того самого селения, где часовня». Полное разрушение часовен могло привести к сохранению в деревнях лишь «чисто домашней раскольнической службы, когда не будет общих собраний даже и в часовнях, где более или менее остается еще чувство к вере господствующей»<sup>111</sup>.

Поддержанное Синодом представление олонецкого епископа стало своеобразным закреплением в законодательстве реально существующего отношения церковных властей и самих крестьян — строителей часовен — к этой разновидности храмов. Этот же порядок в середине XIX в. закрепил Устав духовных консисторий<sup>112</sup>. Репрессивные меры в отношении содержателей часовен использовались крайне редко. Как правило, в течение XVIII—XIX вв. разрушались те часовни, которые приобретали в глазах противников господствующей церкви особое, выдающееся значение. Если духовным властям становилось известно о существовании скрываемых от глаз начальства часовен, служащих местом сбора «раскольнических сонмов», то принимались решительные меры. Так,

---

<sup>110</sup> ПСПиР. СПб., 1915. Т. 1. № 360.

<sup>111</sup> Там же.

<sup>112</sup> Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство, с. 16.

узнав из донесения священника о часовне с мощами местночтимых старообрядческих святых Киприана и Епифания, поклониться которым «многолюдством» приходили и местные жители, и паломники из Сибири, новгородский и псковский губернатор Я.Е. Сиверс в 1774 г., судя по его рапорту в адрес Синода, распорядился отправить в Олонецкий уезд солдат. Часовня была уничтожена<sup>113</sup>. В XIX в. сходные правила соблюдались неукоснительно: «часовню разбирали до основания, если убеждались, что в ней служат раскольники»<sup>114</sup>. Одно из последних дел такого рода датировано 1900 г. Каргопольский уездный исправник доносил об успешном выполнении важного дела. Ему удалось обнаружить в глухом лесу деревянную «избушку, именуемую Шежемской раскольнической часовней», которую регулярно посещали местные старообрядцы. «Избушку» разрушили, «лесной материал» уничтожили, обнаруженные иконы отправили в консисторию<sup>115</sup>. Иногда к часовне просто пристраивали алтарь, превращая ее в приходскую церковь и прекращая таким способом деятельность старообрядцев. Так, в 1838 г. часовня в Чаженском «раскольническом жилище» (бывшем старообрядческом ските) превратилась в приходской храм по инициативе олонецкого духовного начальства и при активной поддержке местного благочинного<sup>116</sup>.

Законодательное закрепление практики борьбы с незаконными часовнями произошло в середине XIX в. В соответствии с правовыми актами Российского государства, содержащимися в Своде законов, «построившие или перестроившие часовню или молитвенный дом без разрешения духовного начальства подлежат суду, а самое здание – уничтожению»<sup>117</sup>. Изменения наступили лишь в 1883 г. Согласно утвержденному императором мнению Государственного Совета, старообрядцам разрешалось «исправлять принадлежащие им часовни и другие

---

<sup>113</sup> РГИА, ф. 796, оп. 55, д. 425, л. 2.

<sup>114</sup> *Иванова А.И.* Северные часовни в церковно-правовом пространстве России во второй половине XVII–начале XX в. // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск, 2008. С. 488.

<sup>115</sup> НА РК, ф. 25, оп. 20, д. 74/855, л. 1 (Из журнала Олонецкой духовной консистории).

<sup>116</sup> Там же, д. 36/414, л. 13 (Рапорт благочинного).

<sup>117</sup> *Малютин Ф.* Извлечение из Свода законов Российской империи узаконений, относящихся до духовного ведомства православного исповедания. (издание 1857 г.). СПб., 1863. С. 155.

молитвенные здания, приходящие в ветхость». Единственным ограничением стало требование, чтобы «общий наружный вид исправляемого или возобновляемого строения не был изменяем». На производство работ «раскольники» обязывались каждый раз испрашивать разрешение губернатора<sup>118</sup>. В то же время стабильное существование и ремонт тех часовен, которые известны «с древних времен», представлялись духовным властям вполне приемлемым. Как говорилось в Уставе духовных консисторий, «издревле построенные благочестивым усердием православных предков часовни <...> должны быть сохраняемы, а потому и возобновляемы быть могут»<sup>119</sup>. Аналогичное отношение к строительству часовен сохранялось до начала XX в. Устав строительный предписывал епархиальным архиереям контролировать строительство часовен и дозволить их возведение «по достойным уважения причинам»<sup>120</sup>. Итак, исследование церковного законодательства показывает, что надзор за «никонианскими» часовнями в XVIII в. не был слишком придирчивым, а в XIX в. — постепенно смягчался.

Обратимся к делам, обнаруженным в архиве Олонецкой духовной консистории. В тех исключительных случаях, когда строительство новых часовен разрешалось, оно было связано с временными потребностями, а новоявленная часовня рассматривалась как филиал приходской церкви. В 1786 г., например, крестьяне деревни Тивдии Петрозаводского уезда подали в Синод прошение, в котором указывали, что «наперед сего» у них была часовня, которую они «по согласию всего общества разрыли» (что указывает на достаточно вольное, несмотря на законодательные ограничения, обращение с культовыми зданиями). Синод, посетовав на самоуправство крестьян, разрешил им, как видно из обнаруженного в деле указа, построить новую часовню, приняв во внимание традиционный аргумент — невозможность посещения расположенной в семи верстах церкви «как за удалением, так и за водами и распутами». Накопленное «от подаяний добродетельных людей», за исключением средств на покупку свечей и ладана, прихожане обязывались внести в «приходскую свою церковь»<sup>121</sup>.

---

<sup>118</sup> *Ивановский Я.* Обзор церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству, с. 128.

<sup>119</sup> *Он же.* Там же. С. 93.

<sup>120</sup> Устав строительный // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М., 1901. С. 424.

<sup>121</sup> РГИА, ф. 796, оп. 69, д. 184, л. 1, об.

Из других дел видно, что подход к проблеме строительства и содержания часовен стал дифференцированным. Конкретные решения, исходя из обстоятельств, принимали местные духовные власти на самом низшем уровне. Признаков того, что при этом учитывались законодательные решения, не отмечается. Общей закономерностью стало следующее. В XVIII в. строить часовни разрешалось в тех местах, жители которых не могли регулярно посещать церковь. Так, в приказе поповского старосты Лопских погостов, адресованном в 1766 г. священнику Федору Космину, «накрепко запрещалось» служить в часовнях, расположенных в Тунгудском стану и в Машезере. В то же время часовни в Березове Наволоке и в Кевять-озере поповский староста разрешал посещать, поскольку эти населенные пункты «от приходской нашей церкви имеютя в дальней росстаянии и роспутою»<sup>122</sup>. Аналогичным образом был решен вопрос, возникший в связи с прошением, направленным в 1793 г. в консисторию от часовенного старосты Митрофана Федорова и мирского старосты Самойлы Никитина «с мирскими людьми» «о пристройке при стоящей в их Уножской волости (*Колодозерский приход Пудожского уезда*. — М.П.) в деревне Лукострове часовни во имя Пророка Илии алтаря и о бытии той часовни церквию». Часовню крестьянам, как видно из указа консистории, иметь разрешалось. Церковь же строить не позволялось: велено «относиться в требах к той церкви, к которой приписаны»<sup>123</sup>. В обоих случаях духовные власти, оказавшись перед выбором: разрешить строить и ремонтировать часовни или вовсе лишить крестьян доступа в православный храм, предпочли все же первый путь.

Приходское духовенство часто распоряжалось о строительстве или реконструкции часовен по собственной инициативе и явно вопреки требованиям закона. Так, в 1811 г. в Новгородской духовной консистории рассматривалось дело о покрытии новым тесом одной из часовен, расположенных в приходе Олонецкого Николаевского собора. Следствие выяснило, что часовня «возобновлена» за счет сумм, незаконно выделенных из часовенной казны, которая по существующим правилам должна целиком передаваться в казну собора<sup>124</sup>. Аналогичное дело рассматривалось Олонецкой духовной консисторией в 1871 г. Священник Кенозерского прихода был обвинен в освящении незаконно построенной местными жителями часовни. При рассмотрении дела консистория ссылалась на указ Синода, датированный 25 августа 1865 г., которым епархиальному начальству

---

<sup>122</sup> НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 1/1, л. 29.

<sup>123</sup> ГААО, ф. 29, оп. 9, д. 147, л. 52, об.

<sup>124</sup> НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 19/36, л. 1.



предписывалось «делать окончательные постановления об уничтожении или об оставлении тех часовен, которые оказались бы построенными или перестроенными без разрешения духовного начальства»<sup>125</sup>. В обоих случаях дело расследовалось дополнительно, и результат, а значит, и судьба часовни остаются неясными.

Напротив, случаи, когда приходское духовенство или даже церковные власти в вопросе о строительстве часовен следовали букве закона, крайне редки. Представители местной духовной власти стремились, проявляя суровость по отношению к традиционному порядку, избегать обвинений в ослаблении бдительности. Примеры противодействия строительству часовен сохранились среди дел Олонецкой духовной консистории, которая в 1793 г. запретила строительство часовен близ деревень Кичаковской и Росляковской. При этом в указе подчеркивалось, что «ежели кто дерзостию своею где начнет часовню строить и построит и кто до оного строения допустит, с таковыми людьми велено поступать как с преступниками по силе указов»<sup>126</sup>. Такое распоряжение прозвучало несомненным диссонансом на фоне всех других решений о строительстве часовен. В большинстве случаев жизнь подталкивала к компромиссу как местное духовенство, так и Синод.

В условиях, сложившихся в XIX в., местная власть смогла получить важное преимущество в сдерживании инициативы прихожан благодаря требованиям Устава строительного, изданного в 1857 г. Этот документ предписывал строить и «возобновлять» часовни «по планам и фасадам, утвержденным, где следует»<sup>127</sup>. Материалы делопроизводства Олонецкой духовной консистории показывают, что это предписание неукоснительно выполнялось. Так, в 1879 г. Олонецкая духовная консистория обратилась в строительное отделение при Олонецком губернском правлении с просьбой утвердить план и смету на строительство часовни в Вешкельском приходе. При этом консистория указывала, что часовня строится на месте «прежней церкви, построенной в 1654 г. и за ветхостию назначенной к срытию»<sup>128</sup>. В дальнейшем составление архитектурного проекта и сметы перед началом строительства или реконструкции часовни стало обычным делом<sup>129</sup>.

Со своей стороны у крестьян были достаточно веские основания вновь и вновь обращаться в органы власти различных уровней с про-

---

<sup>125</sup> НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 90/1930, л. 11, об.—13.

<sup>126</sup> Там же, оп. 19, д. 2/18, л. 4.

<sup>127</sup> Устав строительный // Церковное благоустройство, с. 424.

<sup>128</sup> НА РК, ф. 2, оп. 50, д. 19/5, л. 3—3, об.

<sup>129</sup> Там же, д. 21/10, л. 1; Там же, д. 35/18, л. 1 и др.

шениями о строительстве часовен, пытаясь преодолеть существующие и вновь возникающие административные препоны. Это, как подчеркивалось выше, огромные размеры приходов и, следовательно, трудности, особенно остро ощутимые при провозе к церкви умерших. (Полный отказ от православных обрядов крестьяне тем не менее не допускали.) Другой фактор — традиция, в соответствии с которой строительство часовни велось в память о каком-либо знаменательном событии в жизни деревни. Так, в Толвуйском приходе Петрозаводского уезда в деревне Боровской крестьяне в 1791 г. построили часовню «по случаю избавления от скотского падежа»<sup>130</sup>. Самовольное возведение часовен такого рода пресекалось с начала XIX в. В 1809 г. новгородский митрополит запретил крестьянам Заднедубровского прихода Каргопольского уезда строить часовни во имя Животворящего Креста Господня и преподобного Макария в память об избавлении от эпизоотии («скотского падежа»). Митрополит рассудил, что «не обещания часовни строить услышаны от Бога, а при покаянии вознесенные к нему молитвы и обещание жить добродетельно и православно»<sup>131</sup>. Сходное распоряжение получил благочестивый крестьянин из Каргопольского уезда, намерения которого вполне укладывались в рамки существующей традиции. В 1807 г. он обратился к епископу с просьбой разрешить построить часовню «за благополучное сохранение покровом Пресвятой Богородицы от падежа дому моего скота», но получил отказ со ссылкой на распоряжение Синода о запрете строить часовни<sup>132</sup>.

Нарратив о затруднениях при исполнении обрядов также далеко не всегда обеспечивал успех крестьянским прошениям. В 1820 г. крестьяне из Водлозерской Ильинской волости обратились в Новгородскую духовную консисторию с просьбой разрешить строительство часовни взамен «по случаю несчастному згоревшей». В качестве аргумента в пользу строительства в прошении, составленном крестьянами, указывалось на затруднения при посещении приходской церкви: «деревни состоят от приходской церкви в пяти верстах, со всех сторон окружены водами, почему в вешнее и осеннее времена за распутием, а в летнее иногда за сильными погодами в приходскую церковь для богомоления по рачению прихожанам притти не можно». Консистория распорядилась и в данном случае «вовсе отказать» прихожанам, ссылаясь на указ

---

<sup>130</sup> П.И.П. Толвуйский приход. Петрозаводск, 1891. С. 15.

<sup>131</sup> НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 12/7, л. 1—1, об.

<sup>132</sup> Там же, д. 16/24, л. 1.

1734 г., категорически запрещающий строить часовни<sup>133</sup>. В 1837 г. аналогичное распоряжение консистории получили крестьяне Гимольского прихода, самовольно построившие православную часовню в деревне Калюшина Гора. Возведенную ими часовню во имя Кирика и Иулитты пришлось разобрать<sup>134</sup>.

Запреты преодолевались благодаря настойчивости прихожан и смягчению позиции епархиального архиерея. В итоге часовни получили право на существование. Во-первых, в ряде случаев часовни сохраняли свое архаическое значение предшественниц церкви, и строительство часовен по этой причине приобретало дополнительное оправдание. В цитированном выше представлении олонецкого епархиального архиерея отмечалось: «Есть пространные (часовни. — М.П.), с хорошими иконостасами, с книгами и колокольнями, так что, при весьма небольшой издержке, может быть исправление часовни в церковь сделано». Например, в 1803 г., при существовании законодательного запрета на строительство часовен, было сделано исключение для прихожан Ковежского прихода Каргопольского уезда, которые обратились к епархиальному преосвященному с просьбой о построении часовни «по случаю згорения в том приходе церкви». Аргументом, как и всегда в подобных случаях, послужила необходимость совершения «хотя малых мирских треб, как то: крещение младенцев, отпевание усопших»<sup>135</sup>. В начале XX в. отмечаются сходные воззрения на часовню. В 1902 г. по благословию епископа Назария местные верующие отремонтировали часовню, расположенную неподалеку от деревни Машезеро. Аргументом стала «необходимость молитвенного утешения», необходимого каждому человеку, «остающемуся здесь, в этом глухом лесном уголку, большею частью наедине с собою»<sup>136</sup>.

Во-вторых, внимательный анализ материалов делопроизводства Олонецкой духовной консистории показывает, что главным аргументом в пользу строительства часовен для консистории стала экономическая выгода: возможность создания еще одного центра свечной торговли, приносящей приходской церкви ощутимый доход. Именно это предназначение часовни позволяло преодолеть существующие запреты, а в конечном итоге способствовало сохранению часовен как особой разновидности храмов. В 1824 г. Новгородская духовная консистория, явно отказываясь от своей принципиальной позиции, раз-

---

<sup>133</sup> НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 29а/75, л. 2.

<sup>134</sup> Там же, д. 46а/246, л. 6.

<sup>135</sup> Там же, ф. 25, оп. 16, д. 12/67, л. 1.

<sup>136</sup> П.Д. Часовенка в честь Феодосия // ОГВ. 1902. № 76. С. 3.

решила возведение часовни близ Предтеченской церкви в г. Каргополе. Основным аргументом при строительстве стало намерение «усердствующих граждан» соорудить часовню «для жительства и продажи свеч церковному сторожу»<sup>137</sup>. Часовни, не приносящие дохода в казну приходских церквей, упразднились. Так, в 1837 г. Олонецкая духовная консистория, рассмотрев дело о «весьма обветшавшей» часовне, расположенной в Воезерском приходе, приняла решение о ее уничтожении «по незначительности поступавших в нее доходов»<sup>138</sup>. В начале XX в. имелись и случаи обратного характера: существование часовни поддерживалось за счет церковной казны. Так, судя по описанию Гимольского прихода Повенецкого уезда местные прихожане из-за бездорожья и огромных расстояний до приходской церкви «обыкновенно собираются в воскресные и праздничные дни для молитвы в часовни, которые имеются почти во всех деревнях. <...> В часовни обыкновенно отпускается из церкви ладан, свечи и масло. Продажею свечей и вообще всем хозяйством часовен занимаются выборные старосты, под контролем приходского причта»<sup>139</sup>.

Забота духовных властей о сохранении часовен как источника пополнения казны приходской церкви проявилась в беспокойстве духовной консистории по поводу того, каким образом организован учет находящегося в часовнях имущества и поступающих пожертвований. В 1830-е гг. в документах консистории впервые появляются данные о привлечении церковных старост на часовенные праздники, во время которых часовни получали наиболее обильные приношения. Старосты собирали деньги, делали соответствующие записи в приходо-расходных книгах церквей и возвращались к исполнению своих основных обязанностей<sup>140</sup>. Но и после этих решительных мер в делах духовного ведомства отмечалось, что в некоторых приходах Олонецкой епархии сохраняется своеобразный «часовенный сепаратизм»: «приметно, что на часовни в принадлежности их к церквам не довольно обращают внимания (*духовные власти*. — М.П.), оставляя часовни как бы в заведывании местных крестьян, отчего в сих последних иногда зарождается приверженность к своей часовне, с оставлением приходской церкви, а церкви несут ущерб как по части усердия взносов, так и по части усердия ко всем христианским обязанностям, в церкви исполняемым»<sup>141</sup>.

---

<sup>137</sup> НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 33/83, л. 7.

<sup>138</sup> Там же, д. 45/55, л. 1.

<sup>139</sup> *Надпорожский П.* Гимольский приход Повенецкого уезда, с. 226–227.

<sup>140</sup> НА РК, ф. 25, оп. 19, д. 21/291, л. 4–6.

<sup>141</sup> Там же, д. 39/30, л. 1.

Существование значительной части часовен в XVIII–XIX вв. стало возможным именно благодаря находящимся при них кладбищам. Как пишет Т.Б. Шепанская, «святые места» довольно часто «помечены знаками смерти»<sup>142</sup>, «знаками смерти помечались не только святые места и люди, связанные с ними, но и средства, продукты, вещи, передаваемые в эту систему»<sup>143</sup>. Предназначение территории, прилегающей к часовне, как места погребения осознавалось и приходским духовенством. Правда, в Олонецкой епархии такого рода воззрения становились источником конфликтов. В 1823 г. крестьяне Лумбозерской трети Паданского прихода не допустили священника в расположенную при старообрядческом кладбище часовню, где он намеревался совершить погребальный обряд. Причины излагались так же: «у них часовня по старообрядчеству». По отношению к духовенству старообрядцы в данном случае были настроены решительно, определено намекая на активное сопротивление уничтожению часовни и даже проникновению в нее: «если могут, то пусть идут в часовню и разломают дверь». Репрессивные меры в отношении «раскольников» не были применены. Олонецкое губернское правление распорядилось «сделать повсеместное священникам воспрещение, чтобы они не делали никакого раскольникам притязания»<sup>144</sup>. Законодательство начала XX в. воспринимало старообрядческие постройки еще более нейтрально. Старообрядцам позволялось «исправлять и возобновлять принадлежащие им часовни и другие молитвенные здания, приходящие в ветхость», всякий раз испрашивая разрешение губернатора<sup>145</sup>.

В ряде случаев часовня становилась центром местных праздников, судить о которых мы можем на основании довольно незначительных по объему и чрезвычайно туманных свидетельств представителей местных духовных властей. Так, в 1824 г. в Лекшмозерском приходе Каргопольского уезда был обнаружен «деревянный крест, обрубленный на манер часовни», к которому регулярно приходило «немалое количество народа для богомоления», а также поступали деньги, холст «и прочее». Все дары хранились в доме одного из крестьян. О характере обрядов, совершаемых близ креста, подробных сведений не сохранилось. Но внешний облик этой местной святыни послужил достаточным основанием для принятия репрессивных мер. Самовольно возведенный крестьянами крест, «обрубленный

---

<sup>142</sup> Шепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: к проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 131.

<sup>143</sup> Там же. С. 133.

<sup>144</sup> НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 29а/75, л. 2–3.

<sup>145</sup> Законы о раскольниках и сектантах. М., 1903. С. 86.

на манер часовни», был «разобран», а хранящиеся в домах у крестьян подношения переданы в ближайшую церковь<sup>146</sup>. Аналогичные праздники происходили в деревне Пелтожи Волостнаволоцкого прихода. Единичный отказ местного духовенства в 1865 г. приехать на праздник стал причиной жалобы крестьян и разбирательства в духовной консистории, которая решила, что во всем виноваты сами прихожане, не приславшие за священником подводу<sup>147</sup>. В начале XX в. благочинные с удовольствием отмечали благотворное влияние часовенных богослужений на состояние дел в приходах: «Совершение всенощных бдений в часовнях Ильинского прихода, Туксинского, отчасти Водлозерского и Туломозерского с чтениями из житий святых благотворно действует на народ, и он относится к этому делу очень сочувственно, особенно в дальних от погостов деревнях»<sup>148</sup>.

Этнографические исследования позволяют сделать более определенные выводы по рассматриваемому вопросу. По мнению И.Ю. Винокуровой, большинство деревенских праздников у вепсов «посвящалось святым или событиям православной истории, в честь которых была построена деревенская часовня»<sup>149</sup>. Поскольку часовни довольно часто строились по случаю прекращения «скотского падежа», то сама часовня становилась центром праздника, связанного с годовщиной окончания эпизоотии. При этом «жители пригоняли скот к местной часовне, где приходской священник служил молебен и освящал воду в специально приготовленных чашах. <...> После совершения ритуала пастух выгонял скот на пастбище»<sup>150</sup>. В некоторых случаях часовенные праздники сопровождались ритуальным пиром — поеданием «мирского» (вскормленного всем «миром») быка<sup>151</sup>. В дальнейшем часовни такого рода оставались предметом почитания. Так, заонежане в случае эпизоотии ходили замаливать грехи в д. Рим, «где стояла заветная, построенная по случаю скотского падежа за один день часовня Ильи Пророка»<sup>152</sup>.

---

<sup>146</sup> НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 33а/102, л. 4.

<sup>147</sup> Там же, оп. 7, д. 104/39, Л. 2 (Доношение благочинного в духовную консисторию).

<sup>148</sup> Там же, оп. 20, д. 9/96, л. 20, об. (Отчет благочинного церковью 2-го округа Олонецкого уезда за 1902 г.).

<sup>149</sup> Винокурова И.Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX—начало XX в.), с. 109.

<sup>150</sup> Там же. С. 110.

<sup>151</sup> Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 130.

<sup>152</sup> Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX—начало XX в.). СПб., 1993. С. 34.

Итоги длительных усилий, связанных со строительством часовен в Олонецкой епархии, отражены в статистических сведениях, составленных на основании отчетов петрозаводского полицмейстера и уездных исправников в 1910 г. Довольно многочисленными к этому времени стали городские часовни (что косвенно указывает на поддержку строительства часовен городскими властями и стремление горожан обзавестись этой разновидностью храмов). Так, в Петрозаводске, являвшемся центром епархии, располагалось 15 часовен, Олонце — 3, Лодейном Поле — 6, Вытегре — 5, Пудоже — 7, Повенце — 5. Еще более значительна численность часовен в уездах — в сельских приходах Олонецкой епархии. Наибольшее количество — 350 часовен — располагалось в Петрозаводском уезде. За ним в порядке убывания следовали Вытегорский (271 часовня), Каргопольский (267), Пудожский (224), Лодейнопольский (212), Олонецкий (192), Повенецкий (170). Общее количество часовен в епархии к 1910 г. составило 1727, т.е. приблизительно по три часовни на каждую приходскую церковь<sup>153</sup>.

Таким образом, приходские традиции доказали свою живучесть. Длительная борьба против строительства часовен, инициированная центральной властью, в XVIII в. оказалась малоэффективной из-за слабой исполнительской дисциплины, невозможности контроля над происходящим в глухих деревнях, двойного стандарта в отношении к старообрядческим часовням и часовням, построенным приверженцами официального православия. В дальнейшем, в начале XIX в., борьба против часовен и связанных с ними традиций приходской жизни продолжалась столь же безуспешно. Постепенно настойчивые прошения прихожан, с одной стороны, и лояльная по отношению к верующим позиция местных духовных властей с другой привели к ослаблению давления на строителей часовен. К середине XIX в. часовни были реабилитированы, и связанная с ними обрядность стала неотъемлемой частью религиозной жизни в Олонецкой епархии.

***Имущество приходской церкви.*** Вслед за постройкой храма, как часовни, так и церкви, наступал черед обеспечения их необходимым для богослужения имуществом. Эта проблема являлась одной из наиболее существенных трудностей, которые возникали при обустройстве нового церковного здания. С одной стороны, российское законодательство XVIII—начала XX в. «делало недостижимым крестьянский идеал дешевой церкви»<sup>154</sup>, вынуждая прихожан закупать серебряные или, по крайней мере, оловянные церковные сосуды, шелковые ризы

---

<sup>153</sup> НА РК, ф. 27, оп. 2, д. 26/407, л. 9, 27, 41, 65, 92, 117, 140, 158.

<sup>154</sup> Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в., с. 124.

для духовенства<sup>155</sup>. С другой стороны, крестьяне разных местностей России «ревностно относились к своей церкви»<sup>156</sup>, прилагали усилия для ее «благоукрашения». В то же время епархиальная печать даже на рубеже XX в. подчеркивала бедность большинства олонецких храмов: «Храмы в Олонецкой епархии в большинстве деревянные, бедные церковною утварью и часто очень обветшалые»<sup>157</sup>.

При изучении данного вопроса необходимо различать церковное имущество, предназначенное для «благолепия» храма, и обеспечение духовенства, осуществлявшееся за счет приписанной к церкви земли, «доброхотных» подношений за исполнение треб. Здесь иногда возникают споры. В историографии северной деревни XVII в. утвердился термин «землевладение приходских церквей»<sup>158</sup>. Источники свидетельствуют, что статус церковной земли в XVIII в. радикально изменился. Во-первых, приписанную к храму землю в большинстве случаев обрабатывали сами священно- и церковнослужители. Во-вторых, церковники не могли свободно распоряжаться отведенной им землей. В то же время в материалах делопроизводства мной не обнаружены случаи, когда в казну приходских церквей поступал доход с земли или когда церковные наделы находились в ведении церковного старосты. Н.Д. Зольникова, изучавшая имущественное положение духовенства по сибирским источникам XVIII в., придерживается аналогичной точки зрения<sup>159</sup>. Противоположную позицию высказывает А.В. Камкин. Он полагает, что «практика сдачи церковной земли в аренду, систематической продажи хлеба и сена с церковных пожен» сохранялась и в XVIII в.<sup>160</sup>. Итак, поскольку проблемы обеспечения духовенства за счет приписанной к храму земли будут рассмотрены ниже, обратимся к вопросам, связанным с путями и способами формирования имущества приходской церкви.

---

<sup>155</sup> Синаодальный указ «Об установлении должного порядка и правил при ходатайствах о построении и освящении новых церквей на место пострадавших от пожара или обветшавших // ПСПиР. СПб., 1899. Т. 1. № 191.

<sup>156</sup> Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии, с. 203.

<sup>157</sup> Местная епархиальная хроника // ОЕВ. 1900. № 21. С. 744.

<sup>158</sup> Копанев А.И. Крестьяне Русского Севера в XVII в., с. 32–37; Огризко З.А. Землевладение северно-русских волостных церквей в XVII в. // История СССР, с. 78.

<sup>159</sup> Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в., с. 153–155.

<sup>160</sup> Камкин А.В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1993. С. 31.



Имущество церкви складывалось из первоначального взноса от прихожан, состоящего из необходимых согласно закону утвари и одеяний, а также из «самопроизвольных даров», предназначенных приходской церкви. Изучение данного вопроса осложняется специфическим характером источников. Ведомости о состоянии церковных приходов, в которых приведены массовые данные по изучаемому вопросу, содержат лишь общие суждения о «благосостоянии» церквей и сведения о металле (олове или серебре), из которого изготовлены церковные сосуды. Описи церковного имущества и приходо-расходные книги церквей, содержащие более подробные сведения, сохранились в крайне незначительном количестве. Такой своеобразный источник, как дела об ограблении церквей, содержит данные лишь о немногих предметах, привлёкших внимание воров. В основном их интересовало содержимое «казенного ящика», в котором хранились деньги, собранные в качестве «доброхотного подаяния» от прихожан и вырученные в ходе «свечной продажи».

Ведомость о состоянии церковных приходов Олонецкой епархии, составленная в 1802 г. и словно подводящая итоги XVIII в., содержит краткие сведения о 82 церквях, из которых в 24 имелись лишь оловянные сосуды, а в 58 — купленная «мирскими людьми» серебряная утварь<sup>161</sup>. Иногда в ведомости содержатся несколько более подробные сведения об имуществе приходской церкви. Так, в Вешкельском приходе к началу XIX в. имелись «серебряные с позолотой» церковные сосуды<sup>162</sup>, а в Фоймогубском, наоборот, «серебряных сосудов за нерачением прихожан не имеется»<sup>163</sup>. Обобщённые оценки состояния церквей дают следующую картину: в числе «хорошо благолепием украшенных» названы 36 церквей, «посредственно» — 42, «еще украшаются» (вероятно, после пожара или ограбления) 4 церкви<sup>164</sup>. Попытки сопоставить уровень обеспечения церквей необходимым для богослужения имуществом с какими-либо оными показателями, характеризующими приходы, как правило, заводят в тупик. Например, Ругозерская церковь со 125 приходскими дворами «благолепием украшена хорошо, сосуды церковные оловянные»<sup>165</sup>, а Ялгубская церковь со 110 дворами, наоборот, имеет «сосуды для священнослужения серебряные, благолепием украшена хорошо»<sup>166</sup>. Список подобного рода несова-

---

<sup>161</sup> НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 97/2079, л. 1—66.

<sup>162</sup> Там же, л. 9, об.—10.

<sup>163</sup> Там же, л. 21, об.—22.

<sup>164</sup> Там же, л. 2—66.

<sup>165</sup> Там же, л. 63—64.

<sup>166</sup> Там же, л. 3.

дений между размером прихода и состоянием церковного «благолепия» можно продолжить. Эти осязаемые противоречия могут объясняться только одним: различным, по выражению чиновников консистории, «рачением» прихожан, которое трудно выразить в каких-либо более точных, чем приведенные, качественных характеристиках.

Свидетельств о формировании церковного имущества известно немного. Ясно, что, обеспечив необходимый минимум, при наличии которого церковь могла быть освящена, прихожане продолжали заботиться о благосостоянии своего храма. Иногда имущество храма пополнялось за счет «мирских» сумм. Так, староста-«возмутитель» Клим Соболев в показании сенатской следственной комиссии в 1774 г. утверждал, что из «мирских» денег им было отдано «решиком Вологодского уезду крестьянину Степану Афанасьеву за резбу в церкви коностаса десят рублей»<sup>167</sup>. Объектом особых забот прихожан всегда оставался церковный колокол. Ведь «его мощь и красота звучания не только поднимали религиозные чувства верующих, но и престиж церкви и прихода»<sup>168</sup>. Уникальным источником по вопросу о путях пополнения церковного имущества является «Опись Остречинского погоста выставки Ивенской, колико в церквах разных имеется вещей». По данным этого документа, прослеживается процесс формирования имущества церкви на протяжении 30 лет (первая запись датирована 1758-м, а последняя — 1798 г.). Основными дарителями всегда оставались крестьяне. Один из них, Фома Андреев, в 1758 г. «поставил» образ Илии Пророка «с чудесами» и медную лампаду весом в три с половиной фунта; Митрофан Андреев в 1764 г. преподнес храму образа Живоначальной Троицы и Пресвятой Богородицы Владимирской. Одежда «камки голубой с золотыми травами оплечь» дана в 1771 г. «крестьянской женой» Февронией Яковлевой; медный «благословляющий» крест куплен крестьянином Никитой Егоровым в 1787 г. Наиболее крупные вклады, судя по цитируемому источнику, сделаны коллективно «всеми приходскими людьми». В 1762 г. ими «устроено» паникадило, в 1765-м — иконостас. На церковные, собранные церковным старостой с прихожан деньги в разные годы удалось обзавестись и серебряными позолоченными сосудами, потиром, диском, двумя блюдами, лжицей весом в два фунта. Пополнялось церковное имущество и за счет вкладов клира. В 1760 г. священник Федор Киприанов

---

<sup>167</sup> Там же, ф. 445, оп. 1, д. 256, л. 441.

<sup>168</sup> *Листова Т.И.* Религиозно-общественная жизнь: представления и практика // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2004. С. 721.

купил для церкви образа Пророка Илии и Николая Чудотворца. Не обходили церковь вниманием и представители торгового сословия. В 1798 г., например, петрозаводский купец Алексей Яишников вручил церковному старосте «бархату красного кресты и около обложены золотым позументом, штофу голубого с золотыми травами оплечье», а его земляк купец Артемий Гаврилов — «подсвечник носящей медной весом восемь фунтов»<sup>169</sup>.

Особый интерес представляет обнаруженное в этом же деле «условие», данное прихожанами священнику в 1805 г.: прихожане обязывались купить «к церкви нашей Илии Пророка новый колокол весу не менее шести пуд, и что за оный будет договорено, отдать по цене денег, то сим обязуемся каждый от своего усердия <...> особо платить». Предполагалось использовать всю имеющуюся в церкви медь, которую прихожане решили или «употребить на колокол» или продать<sup>170</sup>. Такой порядок решения имущественных вопросов церкви показывает, что и в начале XIX в. сохранялся приходской обычай, в соответствии с которым «религиозные общины <...> распространяли право бесконтрольного распоряжения и на церковные принадлежности». В их ведении находились «различного рода имущества, движимые и недвижимые, приписанные к церкви не только со стороны данной религиозной общины, но и безразлично со стороны отдельных членов»<sup>171</sup>. Недостающие деньги крестьяне надеялись собрать «от добротных дателей как здесь, равно и в Санкт-Петербурге». К «условию» прилагался список прихожан, собирающихся пожертвовать деньги на колокол с указанием сумм предполагаемых вкладов<sup>172</sup>. В начале XX в. унаследованный от предшествующих столетий способ пополнения церковного имущества оказался востребованным. Так, в 1911 г., завершив строительство церкви, крестьяне из деревни Пялозеро Мунозерского прихода собрали 1500 руб. на иконостас<sup>173</sup>.

Далеко не все устоявшиеся способы пополнения церковной казны находили поддержку в Синоде. Недовольство вызывала торговля, процветающая в храмовые праздники. Столкнувшись с подобного рода практикой в общероссийских масштабах, Синод в 1747 г. издал

---

<sup>169</sup> НА РК, ф. 759, оп. 1, д. 2/16, л. 1–12.

<sup>170</sup> Там же, л. 14.

<sup>171</sup> Юшков С.В. Очерки по истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв., с. 28.

<sup>172</sup> НА РК, ф. 759, оп. 1, д. 2/6, л. 2.

<sup>173</sup> Никольский А. Освящение храма в дер. Пялозеро Петрозаводского уезда // ОЕВ. 1912. № 32. С. 547.

указ «О нестроении лавок близ церквей»<sup>174</sup>, однако это распоряжение никогда не цитировалось в материалах делопроизводства местных органов власти. По данным священнического рапорта, поступившего в Олонецкую духовную консисторию из Повенецкого уезда в 1799 г., во многих местностях «в дни праздничные и особливо в храмовые крестьяне разных приходов, въезжая в ограды к святым церквам и вокруг них, торгуют разными для крестьян потребностями». Торговля велась крайне бесцеремонно, поскольку продавцы явно чувствовали себя главными действующими лицами и не страшились наказаний: «во время совершения божественной литургии криком и народной молвой делают помешательство, около церкви ходят в шапках, сквернословят и ругаются»<sup>175</sup>. По замечанию Г.Р. Державина, такая же торговля процветала и в Остречинском погосте Олонецкого уезда и в Пудоже.

Иногда находящиеся близ церквей лавки становились имуществом самого храма и использование для коммерческих целей пространства, примыкающего к церкви, становилось одним из источников ее «благолепия». В такой ситуации избавиться от развязных торговцев было непросто. Объехав вверенную ему управлению Олонецкую губернию, Г.Р. Державин записал в «Поденной записке ...»: «в городе Пудоже бывают две ярмонки <...> для них построено при церкви 12 лавок <...> кем построены лавки сии, неизвестно, доходы же, с них собираемые, принадлежат церквам»<sup>176</sup>. Сходная ситуация отмечена и на крупнейшей в Олонецкой епархии Шунгской ярмарке. Для «бываемых неоднократно в год ярманок» был устроен особый «Гостиный двор». По данным прошения повенецкого уездного благочинного Василия Григорьева, лавки «из давних пор и до сего дня» находились при церквах и были неоднократно «постройкою пополняемы на казенную сумму». Доходы, получаемые с лавок, поступали в казну церкви<sup>177</sup>. В 1862 г. возобновилось рассмотрение дела о принадлежащих церкви торговых заведениях. Местный причт сообщил консистории, что «от отдачи в наем лавок деньги поступают в церковный капитал»<sup>178</sup>. Сохранившиеся свидетельства, таким образом, позволяют говорить о том, что не только здание церкви, но и пространство, примыкающее к комплексу приходских храмов, использовались для сугубо утилитарных целей. По данным 1907 г., в Мошинском приходе

---

<sup>174</sup> ПСПиР. СПб., 1903. Т. 3. № 1003.

<sup>175</sup> ГААО, ф. 29, оп. 5, д. 58, л. 1.

<sup>176</sup> *Державин Г.Р.* Поденная записка // *Пименов В. В., Эпштейн Е. М.* Русские исследователи Карелии (XVIII в.), с. 56.

<sup>177</sup> НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 4/91, л. 3.

<sup>178</sup> Там же, оп. 4, д. 25/9, л. 7, об.

Каргопольского уезда регулярно проходили местные «торжки», во время которых крестьяне и купцы арендовали принадлежащие местной церкви лавки, пополняя казну местного храма<sup>179</sup>.

Разбогатевшие в ходе торговли крестьяне оказывали своей церкви ощутимую помощь и поддержку. Сведения об этом встречаются в документах консистории в огромном количестве. Так, торгующий крестьянин А.Ф. Нечаев, который в течение нескольких лет являлся ктитором Кенозерской Успенской приходской церкви, в конце XIX в. на свои средства построил каменную ограду вокруг Кенозерского погоста, приобрел праздничный (главный) колокол для колокольни. Для другого кенозерского храма, во имя Николая Чудотворца, Нечаев приобрел ценный иконостас стоимостью более 7000 рублей работы петербургского художника Петрова<sup>180</sup>. В этот же период священник Н. Кенорецкий обратился к «богомольному и щедрому русскому народу» и получил многочисленные дары для Коловской приходской церкви, расположенной в Пудожском уезде. Новые приношения поступили вскоре. Проживающий в Москве пудожский мещанин М.И. Плоскирев прислал Евангелие в бархатном переплете и серебряно-позлащенном окладе, дарохранительницу и облачения для духовенства, московский купец Н.И. Власов – траурные священнические облачения, врач из города Томска Н.И. Плоскирева – напрестольный крест и т.д. Всего пожертвований поступило в казну Кенозерского храма на сумму около 500 рублей<sup>181</sup>. Иногда внезапную помощь приходские храмы получали от лиц, в прошлом имевших отношение к Олонецкой епархии и ясно представляющих нужды ее церквей. Так, в 1915 г. в Ряговскую Благовещенскую церковь поступило Евангелие от епископа Тобольского и Сибирского Варнавы<sup>182</sup>, начало духовной карьеры которого было связано с Карелией.

Местные священники занимались поисками благодетелей и, найдя радетеля, в течение длительного времени регулярно получали от него всестороннюю поддержку. Так, священник Лычноостровского прихода А. Преображенский, «заручившись от знакомых адресами благодетелей», написал письмо Санкт-Петербургской купчихе Бультяковой. Вскоре после этого он получил помощь на приобрете-

---

<sup>179</sup> П. Мошинский приход Каргопольского уезда, с. 76.

<sup>180</sup> Макаров Н.А. Кенозерский приход Пудожского уезда Олонецкой губернии в XVI—начале XX в., с. 330–331.

<sup>181</sup> Местная епархиальная хроника // ОЕВ. 1900. № 21. С. 744.

<sup>182</sup> О пожертвованиях, поступивших в церкви епархии // Там же. 1915. № 16. С. 282.

ние имущества и ремонт храма. Купчиха стабильно поддерживала все начинания священника в течение десяти лет<sup>183</sup>. В 1879 г., по сведениям из отчета олонекского благочинного, неизвестный благотворитель из Санкт-Петербурга и крестьяне Ильинского прихода «возобновили чрез новую живопись ветхие и не совсем правильно писанные иконы», позолотили иконостас, «с употреблением ими от своих средств на это святое дело более двух тысяч рублей»<sup>184</sup>. Другой благотворитель, санкт-петербургский купец В.Б. Богданов, в этом же году пожертвовал церкви Горского прихода икону святителя Николая, «писанную на золотом фоне с чеканкою в киоте за стеклом»<sup>185</sup>.

Наиболее часто встречающаяся форма вклада — от частных лиц — была связана с различными событиями в жизни прихожан. Вполне вероятным представляется суждение С.В. Кузнецова о причинах появления этой традиции: «жертвовали охотно и часто имели при этом в виду намерение загладить какой-нибудь грех»<sup>186</sup>. Свидетельства о такого рода подношениях носят случайный характер. Сами эти подарки, как и грехи, оставались эпизодическими. «Женщины чаще всего при болезнях близких давали обещание пожертвовать в церковь кусок холста, полотенце, платок»<sup>187</sup>. Судя по прошению крестьян Остречинского погоста, поступившему в Олонецкую духовную консисторию в 1781 г., как «опущали оне, священники, мертвое тело крестьянина Алексева в землю на холсте, которого было четырнадцать аршин, и оной отдан в казну церковную церковному старосте»<sup>188</sup>. В XIX в. случаи такого рода не исчезли. Так, в конце столетия в Вытегорском приходе жители, отправляясь на работу, молились в церкви, просили у Бога «успеха и благополучия», давали обещание «дать пай (или топор) на церковь Божию»<sup>189</sup>.

---

<sup>183</sup> Тихомиров Н. Лычный остров // Там же. 1911. № 27. С. 460.

<sup>184</sup> НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 49 (Отчет благочинного 2-го округа Олонекского уезда за 1879 год).

<sup>185</sup> Там же, л. 49, об.

<sup>186</sup> Кузнецов С.В. Православный приход в России в XIX в. // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX вв. М., 2002. С. 159.

<sup>187</sup> Алексеева Н.В. Обетная практика русского крестьянства в системе сакральной географии и топографии православных объектов Европейского Севера России XVIII–XIX вв. // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск, 2008. С. 149–162.

<sup>188</sup> РГИА, ф. 796, оп. 62, д. 243, л. 24, об.

<sup>189</sup> Обозрение церквей 2-го благочиннического округа Вытегорского уезда 14 и 15 февраля 1900 г. преосвященным Назарием, епископом Олонекским и Петрозаводским // ОЕВ. 1900. № 8. С. 295.

В России повсюду сохранялась традиция, в соответствии с которой средства, необходимые для ведения церковного хозяйства, поступали в бюджет храма от завещателей. В XVI–XVII вв. православные священники «получали значительные суммы как духовные отцы, по завещаниям»<sup>190</sup>. В изучаемый период сходный порядок пополнения церковной казны и доходов клириков сохранился. Наиболее крупные пожертвования на церковь «делали перед смертью»<sup>191</sup>. В 1887 г. эта традиция закрепились в законе, который позволял церквям, монастырям и архиерейским домам «приобретать имущества по духовным завещаниям»<sup>192</sup>. На практике этот источник пополнения церковного имущества появился гораздо раньше. Олонецкая епархия не стала исключением. Так, крестьянин Козма Андреев в 1786 г., «будучи при тяжкой болезни», как явствует из его завещания, оценил свой дом «со службами» в 100 рублей, из которых велел дать двум приходским священникам по 20 рублей, родственнице – также 20, а на церковь пожертвовал 40 рублей<sup>193</sup>. Точно так же поступил пономарь Иван Исаев, который в 1790 г. завещал своей приходской церкви 10 рублей<sup>194</sup>. Иногда завещали предметы церковного обихода. Так, в Каргополе, в древней Воскресенской церкви располагалась особо почитаемая местным населением икона, пожертвованная храму по завещанию купца Г.С. Мохнаткина<sup>195</sup>. Отказ завещать что-либо приходской церкви и духовенству становился экстраординарным событием и чаще всего обуславливался лютой ненавистью к «никонианам». Так, перед последним каргопольским самосожжением в 1860 г. один из старообрядцев составил завещание, в котором предписывал разделить его имущество между родственниками, «а антихристовым слугам ни до чего не касаться, в проклятую кумирницу, бесовское сонмище, сиречь в церковь, ничего не давать»<sup>196</sup>. В начале XX в. приток средств от завещателей в казну храма не только не иссяк, но и пополнился взносами от представителей иных, кроме крестьян, сословий. Так, в 1915 г., судя по доношению олонецкого благочинного, статский

---

<sup>190</sup> Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в XVI–XVII вв. М., 2002. С. 163.

<sup>191</sup> Кузнецов С.В. Православный приход в России в XIX в. // Православная вера и традиции..., с. 159.

<sup>192</sup> Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству. С. 27.

<sup>193</sup> НА РК, ф. 584, оп. 3, д. 98/1475, л. 3.

<sup>194</sup> Там же, д. 87/1287, л. 4.

<sup>195</sup> Шайжин Н. Слава Святытеля и Чудотворца Николая в Олонецком крае. Петрозаводск, 1909. С. 15.

<sup>196</sup> НА РК, ф. 33, оп. 2, д. 7/198, л. 3.

советник К.Н. Гурьев завещал 250 рублей в пользу приходской церкви «на вечное поминовение»<sup>197</sup>.

Для подавляющего большинства прихожан посильное пополнение церковного бюджета оставалось одной из главных обязанностей, связанных с участием в религиозной жизни. Наиболее подробные сведения о доходах и расходах приходской церкви обнаружены в «Книгах для записки церковной денежной казны». Как правило, в XVIII, XIX и в начале XX в. доход церкви был небольшим — несколько десятков рублей. Средства тратились на покупку муки и меда для выпечки просфор, а также на свечи, церковное вино, деревянное масло, реже на оплату труда иконописца. Так, в 1769 г. доход Типиницкой церкви во имя Илии Пророка составил 6 рублей 98 копеек, из которых остаток от прошлого года — 22 копейки, «свечная продажа» принесла 3 рубля 25 копеек, а в качестве «доброхотного подаяния» от прихожан удалось получить 3 рубля 51 копейку. Расход составил 7 рублей 90 копеек<sup>198</sup>. Интересен факт преобладания расхода над доходом, даже с учетом остатка от прошлого года. Он свидетельствует как об исключительной честности церковного старосты, так и о порядке ведения финансового учета: не все доходы вносились в книгу.

В XIX—начале XX в. порядок хранения церковных сумм менялся: теперь, согласно Уставу духовных консисторий требовалось передавать церковные суммы «в государственные кредитные учреждения для приращения процентами», а церковные старосты и духовенство получили распоряжение «не оставлять в церкви без надобности более ста рублей»<sup>199</sup>. К концу XIX в. пожертвования прихожан в совокупности составляли серьезные суммы. Так, в 1895 г. в церкви Олонецкой епархии поступило от жертвователей 55 846 рублей. Внушительная цифра составила из кошелькового и кружечного сбора, пожертвований на устройство церквей, доходов с имений и прочих видов приношений от верующих. Определенная часть средств предназначалась «на распространение православия между язычниками», «восстановление православия на Кавказе» и на «улучшение быта православных в Палестине», однако большая часть сумм направлялась на нужды приходских храмов<sup>200</sup>.

---

<sup>197</sup> О пожертвованиях, поступивших в церкви епархии // ОЕВ. 1915. № 1. С. 8.

<sup>198</sup> НА РК, ф. 713, оп. 1, д. 1/1, л. 1, об.—2.

<sup>199</sup> Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство, с. 30.

<sup>200</sup> Весподданейший отчет обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 год. СПб., 1898. С. 156—157.



И все же идиллическую картину неустанной заботы о приходском храме нарушало серьезное противоречие. В ряде приходов, особенно в XVIII в., крестьяне проявляли большую заботу о местных часовнях, нежели о приходской церкви. Это явление впервые замечено властью в 1766 г., когда Олонецкая духовная консистория обратила внимание на бедность некоторых приходских церквей и стала изучать причины такого положения. Оказалось, что «во многих де Лопских погостов церквях в церковнослужении имеются недостатки, то есть в книгах, вине церковном, в свечах и протчем, которыя принуждены священно- и церковнослужители сами своим коштом покупать». Причину создавшегося положения консистория видела в существовании множества часовен. Местные жители «получаемые в те часовни денежные доходы погодно никуда не употребляют, а имеют у себя» и на ремонт церквей «ничего не дают». Устранить эту проблему, казалось, можно простым распоряжением: живущим в деревнях посадским и крестьянам консистория предписала «те часовни иметь под ведением приходских священно- и церковнослужителей и церковных старост з запискою и оставшиися за расходом деньги употреблять на церковные потребы»<sup>201</sup>.

Бороться с прошедшей века, устоявшейся приходской традицией оказалось непросто. С одной стороны, в начале XIX в. проявились заметные признаки устранения отмеченных трудностей. В 1830-е гг. в документах консистории появляются данные о привлечении церковных старост на часовенные праздники, во время которых они собирали деньги в пользу приходской церкви, делали соответствующие записи в приходо-расходных книгах и возвращались к исполнению своих основных обязанностей в местном храме<sup>202</sup>. С другой стороны, в делах духовного ведомства в этот же период отмечалось, что часовни остаются «как бы в заведовании местных крестьян». Вследствие такого порядка «в сих последних иногда зарождается приверженность к своей часовне, с оставлением приходской церкви». Поэтому «церкви несут ущерб» как по части размеров взносов, «так и по части усердия ко всем христианским обязанностям, в церкви исполняемым»<sup>203</sup>. Это явление оказывало негативное воздействие на состояние церковного хозяйства. Оценивая состояние приходского имущества, епархиальный архиерей в 1870 г. приходил к малоутешительному выводу: слишком многие церкви находятся в плачевном состоянии. Основной при-

---

<sup>201</sup> РГАДА, ф. 547, оп. 1, д. 1971, л. 1 («Промемория» Олонецкой духовной консистории).

<sup>202</sup> НА РК, ф. 25, оп. 19, д. 21/291, л. 4, 6.

<sup>203</sup> Там же, д. 39/30, л. 1.

чиной этого, лежащей на поверхности, епископ считал «древность и обветшалость». Но имелись и иные, значительно более настораживающие духовное ведомство причины. «Храмов благолепных, — говорилось далее в отчете, — с дорогою утварью встречено весьма немного». Причина этого — «бедность и малочисленность прихожан, строящих и украшающих свои храмы более на постороннюю благотворительность, чем на свои средства»<sup>204</sup>.

Для объединения усилий прихожан в деле обеспечения храма необходимым для богослужения имуществом или, используя терминологию источников, для «благоустройства приходской церкви», а также для начального обучения детей и благотворительности в России начали создаваться приходские попечительства. «Положение о приходских попечительствах при православных церквях» утверждено императором 2 августа 1864 г. и вписывалось в число мероприятий церковной реформы 1860—1870-х гг.<sup>205</sup> Обязанности попечительств заключались в удовлетворении нужд приходской церкви, поиске средств на ремонт и строительство церковных зданий, учреждении школ, больниц, богаделен и других благотворительных учреждений, в наблюдении за тем, чтобы приходское духовенство пользовалось всеми предоставленными ему приходом разновидностями содержания. Источником средств попечительств стали добровольные пожертвования прихожан. Из их же числа большинством голосов избирались члены попечительств. Непременными членами попечительств назначались священник и церковный староста. Во всех делах (прежде всего в финансовых вопросах) попечительство было обязано отчитываться перед прихожанами.

Это нововведение в целом соответствовало традиционному укладу приходской жизни, являлось его законодательным закреплением и поэтому нашло поддержку у прихожан<sup>206</sup>. Так, в марте 1864 г. возникло приходское попечительство в Кондужском приходе. В течение первого года деятельности попечительство пожертвовало церкви колокол весом 254 пуда и серебряную лампаду, наделило клир дополнительным земельным участком в 30 десятин «удобной земли», из собственных

---

<sup>204</sup> РГИА, ф. 796, оп. 422, д. 383, л. 6 (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1870 г.).

<sup>205</sup> ПСЗ-2. СПб., 1864. № 41144. См. об этом подробнее: *Пулькин М.В.* Олонецкая епархия в период великих реформ 1860—1870-х гг. // *Православие в Карелии.* Петрозаводск, 2000. С. 74—80.

<sup>206</sup> Подробнее об этом см.: *Римский С.В.* Российская церковь в эпоху великих реформ. М., 1999. С. 190—191.

средств «оказало весьма многие пособия во время голода»<sup>207</sup>. В начале XX в. попечительства продолжали успешно действовать. Как видно из отчета Оштинского попечительства, оно занялось благоустройством приходского храма, однако из-за неурожая и недостатка средств не смогло завершить ремонт по заявленному им ранее плану<sup>208</sup>.

Усилиями местного епархиального начальства деятельность попечительств была согласована с действующей системой сохранения и преумножения церковного имущества. В их ведении оставалось собранное по приговорам крестьян, а суммы, вырученные от свечной продажи, и все иные доходы церкви находились в ведении церковного старосты и причта<sup>209</sup>. Попечительства возникали не во всех приходах. Так, судя по отчету олонецкого благочинного за 1879 г., в его округе «не имеется доселе ни попечительств и никаких других благотворительных обществ». На появление их в ближайшее время рассчитывать не приходится. Причинами стали бедность народа, «разбросанность одного селения от другого», приверженность старообрядчеству «наиболее богатых и влиятельных лиц в сфере народа», непонимание верующими «значения и плодотворности сих учреждений при приходских церквях для пользы народа»<sup>210</sup>. Тем не менее приходские попечительства оказались одним из успешных начинаний периода великих реформ. В дальнейшем деятельность приходских попечительств дополнилась усилиями обществ трезвости, имеющих сходное предназначение, но заинтересованных также в избавлении крестьян от алкогольной зависимости. Так, судя по отчету Ладвинского общества трезвости за 1910 г., местная церковь получила от принципиальных противников алкоголя лампаду к иконе Св. Николая<sup>211</sup>.

В 1905 г. появились Правила устройства церковно-приходской жизни в Олонецкой епархии, в которых прихожанам и духовенству отводилась значимая роль в имущественных вопросах. Верующие и клир составляли церковно-приходское собрание, которое решало вопросы расходования сумм прихода, сооружения и содержания храмов

---

<sup>207</sup> НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 75/1575, л. 15–16, об.

<sup>208</sup> Отчет Оштинского церковно-приходского попечительства о действиях его и суммах, поступивших и израсходованных за 1905 год // ОЕВ. 1906. № 21. С. 805.

<sup>209</sup> Постановление Олонецкого епархиального начальства (от 4–10 мая за № 128) // Там же. 1907. № 14. С. 346.

<sup>210</sup> НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 56 (Отчет благочинного 2-го округа Олонецкого уезда за 1879 г.).

<sup>211</sup> Отчет Ладвинского Св.-Никольского общества трезвости за 1910 г. // ОЕВ. 1911. № 12. С. 195.

и причтовых домов<sup>212</sup>. Согласно правилам в приходах следовало создавать церковно-приходские советы, чьи функции в основном совпадали с обязанностями попечительств. Советы обязывались «стать в помощь священнику в исполнении его пастырского долга», постоянно наблюдать за жизнью прихожан, заботиться о благолепии храма, о школе, «которая называется иногда преддверием храма», добиваться «прекращения вражды и злобы между прихожанами», организовывать «разумные развлечения в воскресные и праздничные дни»<sup>213</sup>. Изучение нормативных документов показывает, что в отличие от попечительств советы были обязаны заботиться о нравственности прихожан, их душевном комфорте и благочестии, а не только об имущественных вопросах и организации благотворительности в приходе. Так, в 1908 г. состоялось первое собрание церковно-приходского совета при Салменинском приходе Петрозаводского уезда, на котором местные крестьяне решили приобрести икону, «озаботиться приисканием сборщика добровольных пожертвований» для нужд храма, «все кладбища привести в подобающий им приличный вид»<sup>214</sup>.

Пытаясь бороться против бедности церквей и невнимания отдельных прихожан к нуждам храмов, епархиальное начальство постоянно прилагало усилия, направленные на пополнение церковного имущества. Направления этих усилий со временем менялись. Так, во второй половине XIX и начале XX в. епархиальное начальство озаботилось комплектованием приходских библиотек. Закон определял список книг, которые обязательно должны находиться в каждом храме<sup>215</sup>. В документах архива Синода за 1870 г. отмечается, что в Олонецкой епархии библиотека отныне стала одним из обязательных элементов имущества храма. Епархиальное начальство, «имея в виду, что одним из лучших пособий для приходских пастырей могут служить духовные книги и журналы», постоянно заботилось о том, чтобы при церквях появились библиотеки. При

---

<sup>212</sup> Правила устройства церковно-приходской жизни в Олонецкой епархии на началах, преподанных в определении Святейшего синода, от 18 ноября 1905 года за № 5900 в руководство причтам епархии // ОЕВ. 1909. № 13 (Приложение, с. 1–8).

<sup>213</sup> Обязанности членов церковно-приходского совета // ОЕВ. 1915. № 33. С. 621–626.

<sup>214</sup> *Пеншин В.* Церковно-приходской совет в Салменинском карельском приходе Петрозаводского уезда, его открытие и первоначальная деятельность // ОЕВ. 1909. № 16. С. 359–360.

<sup>215</sup> *Ивановский Я.* Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству. СПб., 1900. Кн. 2. С. 141–142.

этом считалось необходимым, чтобы «библиотеки эти с каждым годом пополнялись по возможности лучшими, пригодными для простого народа изданиями и чтобы приходские священники располагали прихожан читать под своим руководством книги из церковных библиотек»<sup>216</sup>. Петрозаводский съезд благочинных прямо указывал на необходимость «озаботиться устройством библиотек непременно при всех церквах». В том случае, если у прихожан какой-либо из церквей не хватало денег, следовало «начать дело хотя с самых незначительных размеров, примерно с рубля и к помощи таким церквам располагать причты и старост более состоятельных церквей, а также обращаться и к частной благотворительности»<sup>217</sup>. Имеющаяся в церковных библиотеках литература могла использоваться для самых разных целей. Так, состоявшийся в 1906 г. съезд миссионеров Олонецкой епархии прямо предписывал приходским священникам использовать книги, находящиеся в библиотеках при храмах, для дискуссий со старообрядцами<sup>218</sup>. В отчетах благочинных в начале XX в. указывалось, что по мере роста грамотности населения библиотеки становятся нужными не только приходскому духовенству, но и местным жителям. Благодаря регулярному чтению последние смогут не только «получить удовлетворение своей любознательности», но и избавятся «от пороков и разных суеверий и предрассудков»<sup>219</sup>.

В то же время прежние, традиционные способы пополнения храмового имущества и заботы о нуждах церкви сохранялись и действовали одновременно с попечительствами и советами. Отмечаются регулярные пожертвования прихожан в пользу храма. Так, в Таржепольском приходе, построив церковь, местные крестьяне приобрели иконы и церковную утварь «путем пожертвований», а также взяли необходимые предметы из бывшей часовни<sup>220</sup>. По данным описания Тихмангского прихода Вытегорского уезда, составленного в 1908 г., верующие «жертвуют на храм хлебным зерном от полевых трудов, жертвуют и от рыбных промыслов». Совсем недавно, говорилось далее в статье, местные рыбаки получили благословение от епископа

---

<sup>216</sup> РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 383, л. 13–13, об. (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1870 г.).

<sup>217</sup> Там же, д. 1850, л. 29. (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1900 г.).

<sup>218</sup> Постановления V-го съезда оо. миссионеров Олонецкой епархии // ОЕВ. 1906. № 2. С. 59.

<sup>219</sup> НА РК, ф. 25, оп. 20, д. 9/96, л. 18, об. (Отчет благочинного 2-го округа Олонецкого уезда за 1902 год).

<sup>220</sup> *Пидьмозерский В.* Таржепольский приход Петрозаводского уезда // ОГВ. 1902. № 23. С. 2.

«за пожертвованные ими в свою церковь запрестольные кресты, металлические хоругви и плащаницу стоимостью на 200 рублей»<sup>221</sup>. Документы фиксируют случаи приобретения икон специально для сохранения памяти о том или ином примечательном событии в жизни страны. Так, в 1879 г. крестьяне Устьмошского прихода Каргопольского уезда совместно с приходским духовенством приобрели для своей церкви икону святого Александра Невского специально «по случаю спасения жизни государя императора». Отныне перед этой иконой 19 ноября, в день памяти благоверного князя, совершалась литургия и молебен за здравие царя<sup>222</sup>.

Отдельные прихожане на протяжении всего изучаемого периода, в том числе и в начале XX в., сталкиваясь с непростыми жизненными ситуациями, продолжали жертвовать иконы и церковную утварь, улучшая тем самым церковное «благолепие». Например, отправляясь на войну, «нижние чины» из Вытегорского уезда решили в 1905 г. приобрести в местный Вознесенский храм образ Казанской Божией Матери<sup>223</sup>. Чаще всего причины пожертвований остаются неясными, однако из имеющихся источников видно, что прихожане постоянно приобретали для своей церкви разнообразные необходимые предметы. Так, в 1906 г. прихожанка В.Н. Юрьева приобрела и передала в Юштозерскую церковь Повенецкого уезда дьяконское и священническое облачение, «одежду на престол», бронзовый вызолоченный крест<sup>224</sup>. К принятию срочных мер и экстренному пополнению церковного имущества прихожан понуждала необходимость срочного восстановления отдельных элементов церковного убранства. Так, в 1902 г. в Вохтозерском приходе молния повредила иконостас. Поиски благотворителей оказались успешными: 200 руб. пожертвовал будущий святой И. Кронштадтский (о. И.И. Сергеев), другая половина суммы поступила от Олонецкого земства. В итоге иконостас был восстановлен «благолепно»<sup>225</sup>.

---

<sup>221</sup> *Ордомский А.* Освящение храма в честь Святителы и Чудотворца Николая в Тихмангском приходе Вытегорского уезда // ОЕВ. 1908. № 7. С. 170.

<sup>222</sup> НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 19, об. (Сведения о состоянии церквей, духовенства и прихожан по 3-му благочинническому округу Каргопольского уезда за 1879 г.).

<sup>223</sup> *Георгиевский Н.* Икона Казанской Божией Матери – дар запасных нижних чинов Вытегорского уезда в Марковский храм // ОЕВ. 1906. № 1. С. 28.

<sup>224</sup> О пожертвованиях, поступивших в церкви епархии // Там же. 1906. № 12. С. 456.

<sup>225</sup> НА РК, ф. 25, оп. 20, д. 9/96, л. 73 (Отчет благочинного 2-го округа Петрозаводского уезда за 1902 г.).

Таким образом, обеспечение храма в XVIII—начале XX в., как и прежде, зависело главным образом от воли прихожан. Ни духовные правления, ни консистория не располагали реальными возможностями воздействия на приходскую общину в этом, казалось, специфически церковном вопросе. И тем не менее подавляющее большинство церквей, по оценке самого духовного ведомства, вполне соответствовали необходимым для богослужения стандартам. Естественно, что прихожане разными способами, нередко за собственный счет обеспечив всем необходимым храм, оставляли за собой значительные права в распоряжении церковным имуществом.

**Церковные старосты.** Рассмотрение вопросов благосостояния храмов невозможно без изучения круга обязанностей церковного старосты. Он являлся посредником в материальных вопросах между приходской общиной и клиром. Некоторые церковные старосты из числа местных богачей стремились получить власть над причтом, особенно над молодыми священнослужителями<sup>226</sup>. При этом они могли опереться не столько на буквы закона, сколько на традицию, закрепляющую за ними серьезные полномочия. «Институт церковных старост, — пишет Н.Д. Зольникова, — хорошо известен и ранее XVIII в., хотя и не имел повсеместного распространения. Так, он существовал в XVII в. на Русском Севере, но в начале XVIII в. церковных старост имели не все московские церкви»<sup>227</sup>. Обязательным избрание церковного старосты становится в 1718 г. Петровский указ требовал: «церквам иметь старост»<sup>228</sup>. На них, в частности, возлагалась забота о строительстве домов для священников. Новый указ, посвященный церковным старостам, датирован 1721 г. и предписывал им контролировать расход средств, поступающих от «свечной продажи». Старосты должны были иметь документы, подтверждающие факт избрания на должность — «выборы» от прихожан<sup>229</sup>. Указ 1736 г. подтверждал прежние распоряжения и ставил старост под контроль клира в расходовании денег из церковной казны. Требовалось «учредить при каждой церкви особливые шнуrowые книги и по листам скреплять всем кояждо церкви священнослужителям своими руками»<sup>230</sup>.

Практическое воплощение всех этих распоряжений прослеживается по олонечским материалам. Так, прихожане Ольховской волости

---

<sup>226</sup> Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003. С. 33.

<sup>227</sup> Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в., с. 96.

<sup>228</sup> ПСЗ-1. Т. 5. № 3 171.

<sup>229</sup> Там же. Т. 6. № 3 746.

<sup>230</sup> Там же. Т. 9. № 6 303.

Каргопольского уезда церкви Преображения Господня совместно с клиром избрали в церковные старосты, как видно из «выбора», одного из прихожан, Михаила Афанасьева, «на сей (1778. — М.П.) год для збору приходу денежной казны и прочаго»<sup>231</sup>. Как показывает анализ этого документа, «выборы» церковных старост в общих чертах воспроизводят формуляр «выборов» священно- и церковнослужителей, но без свидетельств о достоинствах кандидата. Олонецкая духовная консистория в XVIII—начале XX в. рассматривала избрание и смену церковных старост как прерогативу «приходских людей», ограничиваясь утверждением представленных крестьянами кандидатур. В 1801 г., например, через Пудожское духовное правление, прихожанам Пудожского погоста объявлен указ консистории, согласно которому разрешалось, «буде они в церковном их прикащике Федоре Анисимове в собрании от доброхотодателей для церкви казны и в хранении оной какоелибо имеют сомнительство, то могут они к прекращению всякой неудобности ево сменить и по воли своей на место ево избрать в таковое звание другого из собратий своих беспорочного и заслуживающего в том вероятия человека»<sup>232</sup>.

Старосты совместно с причтом следили за состоянием церковного имущества, заботились о приобретении для церковных потребностей вина и муки для просфор. Круг обязанностей церковного старосты регламентировался законодательством довольно приблизительно. Нет никаких оснований предполагать, что функции старосты выходили за рамки контроля над поступлением и расходом церковных сумм и сохранностью разнообразного имущества, находящегося в храме. Во всяком случае упоминаний о церковном старосте, являющемся одновременно приходским поверенным<sup>233</sup> или выполняющем по сути дела обязанности сельского старосты<sup>234</sup>, мною не обнаружено. Позиция местной духовной власти в вопросе о взаимоотношениях между священно- и церковнослужителями с одной стороны и церковным старостой (а фактически «приходскими людьми») с другой, видна из ряда документов. Так, епископ Олонецкий и Каргопольский Иоанникий в 1774 г., наставляя священника в сложном и запутанном вопросе о взаимоотношениях с церковным старостой, писал в резолюции:

---

<sup>231</sup> НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 2/20, л. 1.

<sup>232</sup> Там же, ф. 655, оп. 4, д. 27/129, л. 5.

<sup>233</sup> Такого рода данные есть у Н.Д. Зольниковой (См: *Зольникова Н.Д.* Сибирская приходская община в XVIII в., с. 166.)

<sup>234</sup> См.: *Юшков С.В.* Очерки по истории приходской жизни на Севере России в XV—XVII вв., с. 41.



«тебе, священнику с прихожанами, выбрать у себя из мирских людей колико есть пристойно и велеть тем выборным по прежним описным книгам свягую церковь и в ней святыя иконы и всякую церковную утварь, и казну, и письменные всякие крепости, и все, что при той церкви есть наличное, пересмотря, отвести за показанных церковных прикащиков Махилева и Шадрина с роспискою»<sup>235</sup>.

Даже в экстремальных случаях, когда, например, по недосмотру церковного старосты в 1796 г. оказалось «покрадено» церковное имущество, епископ, отвечая на провокационный вопрос о пересмотре полномочий церковного старосты, подчеркивал, что прежний порядок должен оставаться неизменным. Украденные вещи, говорилось в указе Олонецкой духовной консистории, хранились в амбаре под присмотром церковного «прикащика». Так и должно быть всегда. «Вещи, кроме алтарных и непосредственно в служение употребляемых, должны быть в смотрении прихожан или у поверенного их церковного прикащика. Священников же в хранении тех наружных вещей обязывать не можно, особливо ежели они доверенности от прихожан не имеют»<sup>236</sup>. Другим доказательством изложенной точки зрения является своеобразный случай, связанный с попыткой священника единолично распорядиться приходской казной и найти поддержку этого радикального начинания в консистории. Как видно из прошения, священник Нигижемского прихода Иван Петров в 1795 г. потратил сорок рублей на «исходатайствование церковной земли», т.е. на судебные тяжбы с прихожанами по имущественным вопросам. Вскоре он обратился в консисторию с просьбой разрешить компенсацию затрат из приходской казны. Консистория, как явствует из ее указа, в очередной раз подтвердила, что «без согласия прихожан толикой суммы взять не можно»<sup>237</sup>. В течение всего XVIII в. консистория твердо отстаивает права прихожан. Судя по журналам Олонецкой духовной консистории за 1791 г., позиция этого органа церковного управления в отношении священника, пытающегося взять под свой контроль имущество приходской церкви, была однозначной. Консистория недвусмысленно указывала: «прихожане имущество кому рассудят, поверить вольны». Священника вызвали в духовное правление, где ему доходчиво объяснили, что он должен «непременно то имущество по описи здать»<sup>238</sup>.

---

<sup>235</sup> НА РК, ф. 308, оп. 2, д. 1/2, л. 1.

<sup>236</sup> ГААО, ф. 29, оп. 9, д. 155, л. 5.

<sup>237</sup> НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 4/3, л. 8.

<sup>238</sup> ГААО, ф. 29, оп. 7, д. 149, л. 32.

Обратная тенденция — попытки поставить церковного старосту под контроль клира, в изучаемый период проявляется слабо. Речь идет лишь об участии церковников в контроле над приходскими суммами. Так, в промемории, разъясняя свою позицию Петрозаводскому городскому магистрату, претендующему на право контроля в церковных делах, консистория следующим образом излагает порядок учета церковной казны. В церквях следует устроить «в приличном месте ящики», в которые и высыпать после литургии «доброхотное подаяние». Накопленную церковную казну следовало «содержать в твердости за замком и печатями священнослужительскою и церковного старосты и по прошествии месяца ис тех ящиков при священниках с причетники и признатных приходских людях высыпав считать, и, колико в ящике явится, то записывать в учиненные на то книги имянно без всякой утайки». За собой консистория оставляла право надзора за тем, «дабы везде по оному чинено было»<sup>239</sup>. Такой подход отразился и на конкретных распоряжениях. Например, в 1780 г. епископ направил в Ладвинский приход Петрозаводского уезда указ, в котором предписывал «возобновить и исправить церковные ветхости» за счет средств, хранящихся у церковного старосты Еремеева. Все церковные «зборы», согласно этому же указу, должны находиться «под присмотром у старосты церковного, человека благонадежного, под смотрением той церкви священника, с надлежащей о приходе и расходе запискою»<sup>240</sup>.

Итак, местные органы церковного управления предоставляют «приходским людям» значительные права в распоряжении церковным имуществом. Основным аргументом в тех случаях, когда объяснения присутствуют, служит тот факт, что у прихожан нет «доверенности» к священно- и церковнослужителям. На первый взгляд такое объяснение правдоподобно. Согласиться с ним позволяют материалы судебных дел. Так, священник Ефим Иванов в 1778 г. на допросе в Олонецкой духовной консистории, как видно из протокола, заявил: «Дьячки Иванов и Флоров буйством своим и непорядком книги церковные все изорвали, чинят церкви немалой ущерб»<sup>241</sup>. Священник Петрозаводского Петропавловского собора в 1792 г., «будучи бесчюственно пьян», взял ночью ключи, пошел в церковь, разломал «казенный ящик» и украл 580 рублей. Наутро он отправился в «трахтир», вернул старые долги и купил вина<sup>242</sup>. Список подобного рода дел

---

<sup>239</sup> НА РК, ф. 643, оп. 1, д. 15/105, л. 1, об.

<sup>240</sup> ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 701, л. 228.

<sup>241</sup> РГИА, ф. 796, оп. 62, д. 243, л. 25.

<sup>242</sup> НА РК, ф. 655, оп. 4, д. 27/1299, л. 5.

можно продолжить. Преступность среди представителей духовного сословия в России и в XIX в. оставалась заметной<sup>243</sup>. Так, в числе преступников, сосланных в середине XIX в. в Сибирь, процент осужденных за похищение церковных предметов из числа духовенства оказался в 22 раза больше, чем из других сословий<sup>244</sup>. Но все же остается сомнение: ведь резолюции и указы о праве прихожан контролировать имущество церкви поступали и в те приходы, духовенство которых не было замечено в хищении приходской собственности. Нет ответа на этот вопрос и в литературе. Авторы современных исследований акцентируют внимание на процессе утраты прихожанами права контроля над церковной казной. Так, А.В. Камкин пишет, что «под воздействием энергичных усилий северно-русских архиереев круг их (*церковных старост*. — М.П.) полномочий был ограничен ведением храмового хозяйства под началом и контролем приходского священника»<sup>245</sup>. С аналогичных позиций оценивает ситуацию Н.Д. Зольникова<sup>246</sup>.

Объяснение приверженности олонецких архиереев традициям приходского самоуправления состоит в следующем. Как и при строительстве церквей, епископ вынужден был признать, что не располагает существенными возможностями административного нажима на прихожан. Во имя создания «благолепия» в храмах архиерей соглашался с традиционными воззрениями прихожан на церковное имущество как на их собственность. И не епископ, а прихожане в XVIII в. могли предоставить священно- и церковнослужителям возможность контроля над церковным имуществом. Поэтому так разноречивы свидетельства по данному вопросу. Известны дела, из которых следует, что надзор над церковным имуществом осуществлял священник. Так, в 1776 г. в церкви во имя Николая Чудотворца в Линдозерском погосте, как видно из рапорта прихожан, «учинилось грабительство». Вор был задержан, связан и «при собрании лутчих крестьян» начался «по всей справедливости допрос». После получения известий о происшествии нижняя расправа потребовала вскрыть хранящийся в приходском храме «казенный ящик» и пересчитать деньги. Крестьяне отказались выполнить это распоряжение. В новом рапорте говорилось: «без свя-

---

<sup>243</sup> Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 97.

<sup>244</sup> Там же, с. 12.

<sup>245</sup> Камкин А.В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII в., с. 26.

<sup>246</sup> Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в., с. 110.

щенника церковной денежной казны не ведаем»<sup>247</sup>. Священник в этот момент отсутствовал.

Ценные свидетельства о надзоре за расходом церковных денег содержатся в «книгах для записки церковной денежной казны». Так, в Яндомозерском приходе священник и причетники каждый месяц расписывались в этой книге, подтверждая, что «записка чинена верно»<sup>248</sup>. Надзор не везде был столь же регулярным. Церковный староста Федор Анисимов в показаниях уездному суду утверждал, что в его приходе «чинится свидетельство не каждомесячно, а ведают о том, сколько от прошлого года осталось и к ныннешающему году суммы поступило»<sup>249</sup>. Из этих источников явствует, что чаще всего церковный староста оставлял за собой доступ к казне приходского храма, а за священнослужителями — лишь в здание церкви. Достигалось это при помощи незатейливой хитрости: ключи от «казенного ящика» хранились у церковного старосты, а от самого храма — у духовенства. Об этом свидетельствуют дела, возбужденные в связи с ограблением церкви. При их расследовании неизбежно вставал вопрос о местонахождении ключей<sup>250</sup>. Нетрудно догадаться, что если староста намеревался открыть «казенный ящик», то прежде он по неволе обращался к священнику, без которого не мог попасть в церковь. Но и священник не мог вскрыть обитый железом «казенный ящик», так как ключи находились у церковного старосты. Таким образом, обе стороны — церковный староста и клир — взаимно контролировали друг друга. В некоторых приходах священник перед началом богослужения посылал пономаря к церковному старосте «для взятия из сундука ключей, где хранится церковный круг книг, для вынужтия из него Октоиха»<sup>251</sup>. В случае ссоры прихожан со священником или причетниками ограничение доступа последних к церковному имуществу становилось еще более жестким. Характерна ситуация, изложенная в прошении дьячка Афанасия Иванова, поступившем в Олонецкую духовную консисторию в 1781 г. Дьячок настойчиво «призывал» своих прихожан на исповедь. За это, по его мнению, и возненавидели его крестьяне. В этом же году они «имевшиеся при той церкви по левую сторону царских врат намесном богородичном

---

<sup>247</sup> НА РК, ф. 652, оп. 1, д. 5/80, л. 1.

<sup>248</sup> Там же, ф. 655, оп. 2, д. 1/3, л. 13.

<sup>249</sup> Там же, ф. 694, оп. 1, д. 1/1а, л. 88.

<sup>250</sup> РГИА, ф. 796, оп. 62, д. 192, л. 1, об.; НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 3/82, л. 12; Там же, оп. 16, д. 4/34, л. 3 и др.

<sup>251</sup> РГИА, ф. 796, оп. 62, д. 192, л. 1 (Доношение священника).

образе повесы серебряные, крест, серьги, цепочки в немалом числе отобрали и отдали новому избранному ими казначею»<sup>252</sup>.

Время шло, но ситуация не менялась: традиционный порядок приходской жизни демонстрировал устойчивость. Церковный староста рассматривался в законодательстве как «поверенный прихода», которого избирали прихожане каждой церкви «для совместного с причтом приобретения, хранения и употребления церковных денег и всякого церковного имущества»<sup>253</sup>. В течение XIX и в начале XX в. церковные старосты в основном сохранили свои полномочия. Согласно Уставу духовных консисторий старост, как и прежде, избирали прихожане. Они действовали с согласия причта, а в дальнейшем кандидатуру утверждали благочинный и епископ<sup>254</sup>. Церковная власть не пыталась поставить старосту под жесткий контроль. Мирянин, избранный прихожанами на должность старосты в четвертый раз, получал награду за служение интересам Церкви и крестьянского сообщества. Если духовное начальство обнаруживало «значущее приращение церковных доходов», староста получал медаль «для ношения на шее»<sup>255</sup>. Совместно с причтом церковный староста мог принять решение о расходовании «церковных сумм» на приобретение необходимых для богослужения предметов, покупку дров для отопления храма, «поддержание в исправности церкви и всех церковных строений»<sup>256</sup>.

Обширные полномочия старост могли иметь и другой исход: конфликты между ними и духовенством. Так, в 1867 г. уссенский священник доносил епископу, что деятельность местного церковного старосты оказалась малоэффективной: по его вине в церкви возникли «вопиющие нужды». Так, печи в храме «приходят в ветхое положение». Обращение священника к церковному старосте оказывается безрезультатным: «вместо исправления оных он (*староста*. — М.П.) воспрещает топку». Каким-либо образом решить этот вопрос самостоятельно, в обход старосты, священник не мог. Ему приходилось лишь констатировать плачевное положение: «сии вопиющие нужды

---

<sup>252</sup> ГААО, ф. 29, оп. 9, д. 1, л. 65; Аналогичный случай произошел в 1765 г. в Коробозерском приходе. См. рапорт об этом: РГАДА, ф. 547, оп. 1, д. 436, л. 31.

<sup>253</sup> *Ивановский Я.* Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству, с. 180–181.

<sup>254</sup> Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство, с. 22.

<sup>255</sup> *Александров Н.* Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства, с. 86.

<sup>256</sup> *Ивановский Я.* Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству, с. 178.

лишают нас всякой надежды к отысканию местных средств не только что в настоящее время, но и далеко в будущее»<sup>257</sup>.

Развитие событий показало, что местный церковный староста имел собственные взгляды на решение приходских дел и обустройство храмов. Он вовсе не собирался обсуждать их со священником. Староста совместно с крестьянами самовольно, без ведома консистории, разломал имеющиеся в приходе часовни, «не учинив предварительно часовенному имуществу надлежащей описи». Затем он из старого храмового здания, «с прибавкою новых деревьев», построил кладбищенскую церковь. Консистории пришлось лишь отметить, что новая церковь сделана «хорошо и прочно, и иконы написаны в духе православной церкви»<sup>258</sup>. Лишь в редких случаях священнику удавалось добиться устранения негодного церковного старосты. Так, в 1862 г. прихожане в присутствии благочинного, отстояв литургию, приступили к избранию церковного старосты на следующие три года. Кандидатура всем была известна – крестьянин Тимофей Елин, исполнявший непростые обязанности старосты в течение 20 лет. Но присутствовавший при избрании священник Казанский, как писал впоследствии староста-неудачник, «стакнулса со своими заединщиками» и в результате Т. Елину пришлось уступить место другому претенденту<sup>259</sup>.

По данным XIX–начала XX в., староста занимался сбором средств, поступающих от прихожан на нужды храма. Согласно закону в круг его обязанностей входил «прием всякого рода сумм, вкладов и приношений», а также «процентов с церковных капиталов, продажа восковых свечей и огарков, ведение приходо-расходных книг, обновление и пополнение ризницы, присмотр за домами, приобретенными церковным иждивением»<sup>260</sup>. Все эти обязанности исполняли и олонецкие старосты. Так, по данным из рапорта священника Волостнаволоцкого прихода, в церковные праздники староста стоял в храме с блюдом в руках, а «добровольные жертвователи» из числа местных крестьян клали на блюдо «небольшие лепты на благоуукрашение храма». В этом же приходе существовала и иная традиция: на пасхальной неделе староста «ходит по приходу со свечами, которые и продает, а также некоторые жертвуют и так в пользу церкви». Оба эти обычая, говорилось далее в

---

<sup>257</sup> НА РК, ф. 126, оп. 4, д. 29/10, л. 9 (Рапорт священника).

<sup>258</sup> Там же, ф. 25, оп. 4, д. 29/10, л. 18 (Рапорт священника благочинному).

<sup>259</sup> Там же, оп. 7, д. 60/75, л. 1 (Прошение бывшего церковного старосты).

<sup>260</sup> *Ивановский Я.* Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству, с. 188.

цитируемом документе, «очень древни»<sup>261</sup>. Старосты постоянно присутствовали на церковных службах, и благочинные не уставали подчеркивать их «исправность». «Многие из них, – писал один из благочинных Олонецкого уезда в 1879 г., – так привержены к храму Божию, что не опускают никакого богослужения даже в будние дни»<sup>262</sup>.

Вплоть 1917 г. традиционный порядок деятельности церковных старост, их значительная автономия в решении имущественных вопросов сохранялись. Их продолжали избирать прихожане, а местные благочинные и духовенство лишь утверждали решение мирян. По данным 1902 г. в приходах выработался устойчивый порядок избрания церковных старост. Так, крестьяне, собравшиеся в церкви Сяргозерского прихода, по окончании литургии выслушивали «поучение на выбор церковного старосты», которое произносил священник. Затем зачитывали некоторые параграфы из инструкции церковным старостам, «касающиеся того, каков должен быть староста при церкви». Потом приступали к голосованию, по результатам которого присутствующие подписывали приговор. При этом «заочных подписей не допускалось»<sup>263</sup>. В Волосовском приходе в начале XX в. установился аналогичный порядок избрания старост. Выбору предшествовали рекомендации от причта, в которых старосту характеризовали как «доброе православного христианина». Присутствующие при избрании должностные лица волостного правления указывали на отсутствие судимости. После этого прихожане избирали кандидата и подписывали приговор<sup>264</sup>. Права старост и масштабы их компетенции, благодаря позиции епархиальной власти, становились все более значительными. Так, благочинные Олонецкой епархии в 1900 г, судя по материалам их съезда, предписывали старостам наблюдать за порядком в храме. В материалах съезда предписывалось «поставить в обязанность церковным старостам как блюстителям внешнего церковного порядка, чтобы они непременно присутствовали в храмах при венчании браков и безчинно ведущих себя удаляли из храма»<sup>265</sup>. В описаниях приходских праздников церковные старосты представлены как наи-

---

<sup>261</sup> НА РК, ф. 25, оп. 7, д. 106/42, л. 36, об. (Рапорт священника).

<sup>262</sup> Там же, оп. 1, д. 60/1, л. 85, об. (Рапорт благочинного 2-го благочиннического округа Олонецкого уезда за 1879 г.).

<sup>263</sup> Там же, оп. 7, д. 99/7, л. 3 (Рапорт священника Сяргозерского прихода Стефана Громова).

<sup>264</sup> Там же, л. 17 (Рапорт священника).

<sup>265</sup> Из постановлений благочиннического съезда Олонецкой епархии, бывшего в г. Каргополе // ОЕВ. 1900. № 7. С. 260.

более уважаемые представители крестьянского сообщества. Так, в описании торжества в Падмозерском приходе в числе «почетных деревенских должностных лиц» названы церковный староста, волостной старшина и полицейский урядник<sup>266</sup>.

Некоторые старосты тратили на приходские нужды собственные средства и не жалели сил для создания в храмах надлежащего благолепия. Так, староста Мунозерского прихода крестьянин П.С. Макарьев в 1903 г. на собственные средства построил деревянный храм во имя Преображения Господня<sup>267</sup>. Особенно преуспевали в поддержании благолепия церковные старосты-купцы. Петрозаводский купец М.Н. Пикин «приложил свои заботы» для приведения в надлежащий вид соборных храмов: осуществил капитальный ремонт Воскресенского собора, собственноручно отмыл и очистил от пыли все его иконы<sup>268</sup>. Есть и другие примеры таких пожертвований. Так, судя по опубликованной в епархиальной прессе статье купец из Остречинского прихода И.А. Попов, будучи церковным старостой в течение 22 лет, неоднократно жертвовал крупные суммы на украшение церкви, приобретение Евангелий, крестов, облачения для духовенства. Им же в дополнение к синодальной субсидии были потрачены собственные средства на церковно-приходскую школу. Совместно с крестьянами И.А. Попов озабочился постройкой дома для причта и при поддержке схода добился возведения необходимого церковникам здания<sup>269</sup>. Другой церковный староста, Т.Е. Комлев, приобрел на свои средства 1000 штук кирпича для перекладки печей в церкви<sup>270</sup>. При Немжинской Георгиевской церкви в Лодейнопольском уезде староста Никита Паскачев, «находясь на сей должности около 42 лет», совместно с крестьянами принимал участие в поиске средств и постройке местной церкви<sup>271</sup>. В конце XIX–начале XX в. церковным старостой Имоченского прихода Лодейнопольского уезда являлся А.Т. Смекалов. Ему удалось немало сделать для благоустройства своего храма. На свои средства он приобрел колокола для церкви, неоднократно закупал церковную утварь (иконы, подсвечники, люстры), построил за свой счет церковную сторожку, отремонтировал дом

---

<sup>266</sup> Открытие самостоятельного Падмозерского прихода // Там же. 1900. № 2. С. 71.

<sup>267</sup> НА РК, ф. 25, оп. 20, д. 54/613, л. 2 (Прошение старосты Макарьева).

<sup>268</sup> *Надеждин А.* Местная епархиальная хроника // ОЕВ. 1900. № 6. С. 234–235.

<sup>269</sup> *Филин М.* Труды и жертвы церковного старосты с. Остречин И.А. Попова // Там же. 1906. № 11. С. 449–450.

<sup>270</sup> О пожертвованиях, поступивших в церкви епархии // Там же. № 13. С. 493.

<sup>271</sup> *Фарсинонов А.* Немжинский приход Лодейнопольского уезда, с. 508.



для священника и т.д.<sup>272</sup>. В д. Габсельге церковный староста Повенецкого Петропавловского собора П.А. Маргыннов построил за собственный счет приходской храм<sup>273</sup>. В 1914 г. церковный староста Бережнодубровского прихода Пудожского уезда И.Е. Ермолин пожертвовал 100 рублей «на окраску отремонтированной деревянной колокольни»<sup>274</sup>. Некоторые старосты за свой счет содержали церковный хор. Это далеко не всегда имело положительные последствия для церковного благолепия. Так, в 1915 г. в епархиальных ведомостях появилась статья, автор которой указывал на диктат со стороны толстосумов: «регент всецело зависит от церковного старосты, который на свои средства содержит церковный хор и желает, чтобы хор исполнял исключительно то, что ему нравится»<sup>275</sup>. Значительными собственными средствами располагали далеко не все церковные старосты. Не имея собственных средств, они обращались к прихожанам с настойчивыми просьбами помочь решить материальные вопросы причта. Так, по данным 1901 г., церковный староста Н. Рыков заслужил благодарность священников Волосовского прихода за то, что «он, как лицо влиятельное в приходе, весьма значительно помог причту исходатайствовать перед прихожанами, несмотря на бедность, 500 рублей наличными деньгами и 100 дерев хорошего лесу на постройку дома для второго священника»<sup>276</sup>. В 1912 г. другой церковный староста, Н. Лукандин из Гимольского прихода, убедил крестьян отремонтировать дом для причта и пожертвовал «на окончательную постройку дома» 25 рублей<sup>277</sup>.

Изучение обязанностей церковного старосты показывает, что в отношении церковной власти к приходской автономии наблюдаются разнонаправленные тенденции. С одной стороны, имеет место стремление епархиальных архиереев ограничить круг компетенции прихожан. С другой – очевидно желание церковной власти использовать приходские структуры для решения повседневных проблем религиозной жизни. При этом далеко не всегда местная церковная власть и приходское духовенство имели возможность жестко контролировать, а при необходимости и пресекать существующие в приходах тради-

---

<sup>272</sup> М.С. Алексей Тимофеевич Смекалов (Некролог) // ОЕВ. 106. № 13. С. 518.

<sup>273</sup> П.И.Ш. Освящение храма в д. Гобсельге // Там же. 1911. № 35. С. 665.

<sup>274</sup> О пожертвованиях, поступивших в церкви Олонецкой епархии // Там же. 1914. № 1. С. 3.

<sup>275</sup> Церковное пение в России вообще и у нас в Олонии (Несколько слов о его недостатках и об устранении их) // Там же. 1915. № 13. С. 235.

<sup>276</sup> НА РК, ф. 25, оп. 7, д. 98/17, л. 5 (Рапорт священника).

<sup>277</sup> О пожертвованиях, поступивших в церкви Олонецкой епархии // ОЕВ. 1912. № 7. С. 142.

ции. Во многих случаях сохраняющиеся в приходе нормы крестьянского самоуправления становились залогом успешной деятельности самых разных институтов православной церкви: церковных братств, обществ, но прежде всего приходов.

*Подводя итоги*, отметим, что в российском законодательстве XVIII—начала XX в. вопросам, связанным со строительством и обеспечением храмов, уделено значительное внимание. В числе основных тенденций следует назвать разграничение полномочий между Синодом и епархиальными архиереями. Существенные права концентрировались в руках Синода, а епископ приобретал значительные возможности воздействия на прихожан, намеревающихся построить новый или «возобновить» обветшавший храм. Строительство церквей связывалось с постепенно расширяющимся в течение всего изучаемого периода кругом условий. Так, в соответствии с законодательством «приходским людям» надлежало обеспечить храм разнообразной церковной утварью. Немаловажным требованием стало «довольствование» приходского духовенства. Этот вопрос весьма обстоятельно разрабатывался в российском законодательстве на протяжении XVIII—начала XX в.<sup>278</sup> К церкви еще до начала строительства следовало отвести «указную пропорцию земли». От прихожан законодатель, а вслед за ним и епархиальный архиерей требовали обязательств «без оскудения» обеспечивать и храм, и клир.

Местные органы церковного управления — духовные правления и консистория — служили посредниками между Синодом, постепенно концентрирующим в своих руках все большие полномочия, и прихожанами, от которых исходила «самопроизвольная» инициатива строительства церквей. Использование епископом предусмотренных законодательством возможностей контроля, а тем более принуждения по отношению к прихожанам оставалось маловероятным. В конечном итоге его позиция приносила больше выгод «мирским людям», чем духовенству. Поясним сказанное. Перед постройкой церкви архиерей, как правило, не добивался четких гарантий обеспечения духовенства, довольствуясь порой расплывчатыми обещаниями прихожан. Духовенство жило скромно. Статистика дел о строительстве церквей в этой связи становится красноречивой: во второй половине XVIII в. лишь два дела о запрете строительства и 28 — о позволении. Не прослеживается и детальная регламентация внешнего облика церковных зданий. Введение в последнее десятилетие XVIII в. «планов» церквей (наиболее радикальное мероприятие в этой сфере) не внесло существенных изменений. «Планы» составляли сами прихожане, и ни один из

---

<sup>278</sup> См. об этом подробнее: *Андреев Д.* Сборник правил о средствах содержания духовенства и разделе их между членами причтов. СПб., 1906.

предложенных ими чертежей духовное начальство не отвергло. Решительный пересмотр порядка контроля над строительством церковью произошел лишь в XIX в., по мере изменений в составе и компетенции Олонецкого губернского правления. В нем появилось особое отделение, ведавшее всеми строительными проблемами и квалифицированно оценивавшее проекты возведения приходских храмов.

Наконец, в принципиальнейшем вопросе о роли церковного старосты позиция епископа наиболее симптоматична. Владыка прикладывает значительные усилия для сохранения баланса полномочий между прихожанами и клиром, при этом центральной фигурой при решении имущественных вопросов остается церковный староста, которого выбирают, контролируют и при необходимости отстраняют от дел сами прихожане. Позиция верующих в рассматриваемый период оставалась наиболее существенным фактором церковной жизни. Строительство церковью нередко велось за «мирской счет», после одобрения сходом решения о возведении храма и предполагаемых выплатах духовенству. Консистория, как правило, без проволочек санкционировала возведение храма и «давала» указ о его освящении. Так завершался этап, на котором епископ и Синод могли влиять на отношение прихожан к храму. Но в то же время массовые источники показывают, что церковное благолепие в подавляющем большинстве случаев к началу XIX в. вполне соответствовало нормам, предъявляемым к убранству церковью. Прихожане неустанно заботились о своей церкви. Но это была не активность законопослушных граждан, а усердие хозяев. Многообразие приходской жизни с трудом поддавалось регламентации.

Предмет особого разговора – строительство часовен. С одной стороны, их существование, по большей части бесконтрольное, оставалось неприемлемым для Синода. С другой – часовни являлись альтернативой полному отсутствию влияния христианства в удаленных от приходской церкви деревнях. После долгих сомнений и колебаний часовни были реабилитированы и стали строиться повсеместно по желанию прихожан и с одобрения духовной консистории.

## **§2. Приходские традиции и законодательство по вопросам формирования клира**

Проблеме формирования клира уделено заметное внимание как в дореволюционной, так и в советской историографии. Наибольший интерес к этой проблеме проявил П.В. Знаменский<sup>279</sup>, который утвер-

---

<sup>279</sup> *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. Казань, 1873. С. 6, 51, 82 и др.